Джеймс Хэдли Чейз

ТЫ ЗА ЭТО ЗАПЛАТИШЬ

Парадиз-Сити

Джеймс Чейз

Ты за это заплатишь

«Азбука-Аттикус»

1946

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Ты за это заплатишь / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1946 — (Парадиз-Сити)

ISBN 978-5-389-17079-7

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Роман «Ты за это заплатишь» (1946, послужил литературной основой для одноименного фильма 1951 года). Здесь впервые упоминается выдуманный Чейзом «райский» город с говорящим названием Парадиз – идеальное место действия многих его детективных историй, а также некоторые из его жителей, с которыми читателю еще предстоит встретиться в других романах.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17079-7

© Чейз Д. Х., 1946
© Азбука-Аттикус, 1946

Содержание

Глава первая 6
1 6
2 9
3 12
4 15
5 18
6 20
7 23
8 28
Глава вторая 31
1 31
2 35
3 38
4 42
5 44
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Джеймс Хэдли Чейз
Ты за это заплатишь

James Hadley Chase
I'LL GET YOU FOR THIS
Copyright © Hervey Raymond, 1946

© Е.А. Королева, перевод, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

Глава первая
Козел отпущения

1

Мне рассказывали, что Парадиз-Палмз – недурное местечко, но, увидев его воочию, я был ошеломлен. Здесь было так красиво, что я остановил «бьюик» и изумленно разинул рот.

Городок стоял на берегу полукруглого залива с милями золотистых пляжей, пальмами и зеленым океаном. Дома с красными крышами и белыми стенами выстроились плотными рядами. Обсаженные деревьями проспекты тянулись в город с четырех сторон. Цветочные бордюры украшали тротуары. Улицы пестрели от всевозможных тропических цветов, деревьев и прочей растительности, и все вместе это походило на воплощенную мечту в красках цветного кинематографа. От пестроты рябило в глазах.

Налюбовавшись на цветы, я сосредоточил внимание на женщинах, которые катили мимо в больших шикарных авто, прогуливались по тротуарам и даже ехали на велосипедах. Они были прямо как из шоу Эрла Кэрролла[1]. Все до единой едва прикрыты одеждой. Сто лет у меня не было такого пиршества для глаз.

Лучшего начала отпуска и придумать невозможно. А ради этого я сюда и приехал: в отпуск. Четыре месяца, проведенных в игорных заведениях Нью-Йорка, оказались чертовски тяжелыми. Я решил, что, как только заработаю не меньше двадцати кусков, устрою себе отпуск со всеми положенными удовольствиями. Когда у меня скопилось пятнадцать тысяч, я уже был готов все бросить, однако каким-то чудом не сорвался, несмотря на мешки под глазами, пару пулевых ранений и толпу конкурентов. Невозможно заработать двадцать тысяч, не нажив при этом врагов. Я нажил немало. Дошло до того, что я ездил на бронированной машине и устилал пол вокруг кровати газетами, чтобы никто не подкрался ко мне, не разбудив, а пистолет я не выпускал из рук даже в ванной.

Я заработал нужную сумму и репутацию. Говорили, что я выхватываю пушку быстрее всех на свете. Может, и так, просто я никому не признавался, что упражняюсь в этом деле по два часа в день в любую погоду. Мне доводилось убивать людей, но убийства не были умышленными. Даже копы это признавали, а уж им-то виднее. Во всех случаях я убивал, только удостоверившись, что противник набросился первым, и у меня всегда имелись свидетели, готовые это подтвердить. Я так насобачился, что успевал выхватить пистолет и выстрелить раньше, чем мой противник нажимал на спусковой крючок. Это требовало множества усилий и тяжелой работы над собой, но я не отступал, что приносило свои дивиденды. Меня даже ни разу не арестовали.

Я заработал нужную сумму, купил «бьюик», и вот я в Парадиз-Палмз, готов наслаждаться отпуском.

Пока я глазел на женщин, ко мне подошел патрульный. И даже отдал мне честь.

– Здесь нельзя парковаться, сэр, – сказал он, опустив ногу на подножку моего «бьюика».

Только представьте себе: коп говорит мне «сэр».

– Я только что приехал, – пояснил я, заводя мотор. – Прямо дух захватывает. Боже! Вот уж зрелище так зрелище.

Коп усмехнулся.

---

[1] *Эрл Кэрролл* (1893–1948) – бродвейский режиссер и продюсер, в постановках которого участвовали полуобнаженные актрисы и танцовщицы. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

– Пробирает до самых кишок, да? – сказал он. – Когда я только сюда приехал, то и дело разевал рот.

– Еще бы, – согласился я. – Только посмотрите на этих дамочек. Такое ощущение, что у меня вдруг открылось рентгеновское зрение, о каком я всегда мечтал. Боюсь отвести взгляд – как бы чего не упустить.

– Вот еще посмотрите на них на пляже, – мечтательно проговорил коп. – Стеснения в них ни на грош.

– Такие-то женщины мне и нравятся.

– Мне тоже, – согласился коп, покачав головой, – но толку-то: лишь глаза болят и шея деревенеет.

– Вы хотите сказать, что они такие неприступные?

Он присвистнул.

– Да проще рояль в одиночку передвинуть.

– Я здорово двигаю рояли, – заявил я и тут же спросил, где находится отель «Палм-Бич».

– Отличное местечко, – со вздохом заметил он. – Вам там понравится, и еда отменная. – И он рассказал, как туда доехать.

Минуты через две-три я был уже в отеле, и оказанный мне прием понравился бы даже Рокфеллеру. Толпа коридорных подхватила мой багаж, кто-то отогнал «бьюик» в гостиничный гараж, еще пара этих эльфов, облаченных в фантастические голубые с золотом одежки, были готовы на руках вознести меня по ступеням, если бы я им позволил и если бы им хватило сил.

Портье за стойкой расстарался вовсю, разве что не пал ниц и не стукнул лбом об пол.

– Мы счастливы приветствовать вас в нашем отеле, мистер Кейн, – сказал он, протягивая мне регистрационный бланк и ручку. – Ваши комнаты готовы, но если вдруг вам не понравится вид из окна, только скажите.

Я не привык к подобным нежностям, однако сделал вид, что привык. Я весьма придирчив к видам, заявил я, и этому лучше бы оказаться достойным.

Он таким и оказался. У меня имелись собственный балкон, гостиная и спальня с ванной комнатой в духе Сесила Би Демилля[2].

Я вышел на балкон и окинул взглядом пляж, пальмы и океан. Фантастическая панорама. А повернув голову налево, я заглянул в окна других номеров отеля. В первом же окне меня ожидало отличное пип-шоу, какие встречаются иногда на окраинах Нью-Йорка, только это было классом повыше. Дамочка была сногсшибательная. В руках она держала гантели. По-видимому, она считала, что заниматься гимнастикой полезнее в голом виде. Она заметила меня и скрылась из виду, но прежде ее улыбка сказала мне: «Мы можем неплохо провести время вдвоем, парниша».

Я сообщил портье, пришедшему вместе со мной, что вид восхитительный.

Когда он ушел, я вернулся на балкон в надежде еще раз увидеть гантели, но больше мне их не показали.

Я простоял на балконе минуты три, когда зазвонил телефон. Я поднял трубку, подумав, что кто-то, наверное, ошибся номером.

– Мистер Кейн?

Я признал, что, насколько мне известно, это так.

– Добро пожаловать в Парадиз-Палмз, – продолжал голос в трубке: сочный, насыщенный баритон с итальянским акцентом. – Говорит Сператца. Управляющий казино-клубом. Надеюсь, вы заглянете к нам. Мы о вас наслышаны.

---

[2] *Сесил Блаунт Демилль* (1881–1959) – американский кинорежиссер и продюсер, для творчества которого была характерна помпезность. За сцены, снятые в богатых гостиных и роскошных ванных, он получил от критиков прозвище «поэт ванных комнат».

– В самом деле? – проговорил я, польщенный. – Чудесно. Конечно, с удовольствием загляну. Я в отпуске, но все равно играю.

– У нас здесь весьма недурное заведение, мистер Кейн, – сказал он, так и сочась благожелательностью. – Вам понравится. Может, сегодня вечером? Вам удобно?

– Несомненно. Я зайду.

– Спросите меня, дона Сператцу. Я прослежу, чтобы вас приняли как следует. Девушка у вас есть?

– В данный момент нет, но здесь, кажется, полным-полно красоток.

– Только не все они сговорчивы, мистер Кейн, – рассмеялся он. – Я найду вам такую, которая понимает толк в обхождении. Мы хотим, чтобы вы хорошо провели у нас время. Нечасто у нас бывают такие знаменитости. Вопрос с девушкой я решу сам. Вы не разочаруетесь.

Я сказал, что это очень мило с его стороны, и повесил трубку.

Минут через десять телефон зазвонил снова. На этот раз в трубке зазвучал бас, сообщивший, что он принадлежит Эду Киллеано. Я не знал никакого Эда Киллеано, но сказал, что рад его звонку.

– Я узнал, что вы в городе, Кейн, – продолжал голос. – Хочу, чтобы вы знали: мы рады вашему приезду. Если вам что-нибудь понадобится, только скажите – я сделаю все, чтобы вы остались довольны. Вам скажут в отеле, где меня найти. Хорошего отдыха. – И не успел я придумать ответ, как он уже повесил трубку.

Я не смог удержаться, позвонил вниз и спросил, кто такой Эд Киллеано. Мне сообщили, понизив голос, что это глава города. О нем говорили так, словно речь шла о Джо[3] Сталине.

Я поблагодарил и вернулся на балкон.

Солнце сияло над золотистым пляжем, океан мерцал, пальмы склоняли макушки под легким бризом. Парадиз-Палмз по-прежнему выглядел изумительно, но у меня закралось сомнение, не слишком ли все хорошо, чтобы быть правдой.

Я нутром чуял, как что-то назревает.

[3] Рузвельт и Черчилль между собой называли Сталина «дядюшкой Джо»; американская пресса тоже использовала это прозвище.

2

Движение на Оушен-драйв было плотное, и я ехал очень медленно. В носу у меня стоял соленый запах моря, а в ушах – неумолчный рокот прибоя.

Был такой вечер, о каком пишут в книжках. Звезды сверкали на синем бархате неба алмазной пылью.

Через два квартала я оказался в освещенном проезде, который вел к большому строению с одним из этих невероятных фасадов из мрамора, или стекла, или фарфора, или бог знает чего еще – что-то бледно-голубое с крупными буквами «Казино» на карнизе над первым этажом. Все здание было подсвечено, и в целом впечатление складывалось самое лучшее.

Латунные пуговицы на униформе чернокожего швейцара блестели в свете фонарей. Он открыл мне дверцу «бьюика», а еще один чернокожий шагнул вперед, чтобы отогнать машину в гараж.

Я вошел под голубой навес и оказался в коридоре, по обеим сторонам которого были двери отдельных обеденных кабинетов с номерами. Коридор заканчивался аркой, перед которой стояла будка, а в ней сидела блондинка, выдававшая номерки на шляпы.

– Вашу шляпу, мистер? – проговорила она в нос.

Я пожирал ее глазами. На ней был небольшой корсет из плотного небесно-голубого атласа: две половинки ткани, свободно стянутые черным шелковым шнурком. Под корсетом явно не было ничего. От нарядов подобного рода в пот обычно бросает всех, кроме его обладательницы.

Я отдал ей шляпу и дружелюбно осклабился.

– Какая у вас открывается панорама, – галантно произнес я.

– Если однажды вечером никто не отпустит шутку по этому поводу, я просто скончаюсь, – парировала она со вздохом. – Эта панорама – часть моей работы.

Я закурил сигарету, а потом спросил:

– А перспективы у панорамы имеются?

– Ни малейших. С годами подобные шуточки приедаются.

– Прошу прощения, – сказал я. – Меня не часто заносит в такие заведения. Я домосед, а мы, домоседы, несколько старомодны и отстаем от жизни.

Она оглядела меня с головы до пят и решила, что я безопасен.

– Меня вполне устраивает, – сказала она с улыбкой. – Люблю разнообразие. Беда здешних мужчин в том, что они словно отлиты по одной форме.

– Но ведь наверняка кто-то из них отлит лучше других? – заметил я.

Она хихикнула. Подошли три человека, чтобы сдать шляпы, и я неспешно двинулся через арку в ночной клуб, интерьер которого стоило увидеть: отделка в пастельных тонах, рассеянный свет, у одной стены барная стойка в форме полумесяца. Зал был потрясающий, с эстрадой для оркестра и небольшой танцплощадкой, сделанной из какого-то материала, похожего на черное стекло. И повсюду, вокруг танцплощадки и в синих кабинетах с хромированной отделкой, росли банановые деревья с широкими зелеными листьями, увешанные гроздьями зеленых же бананов. По стволам деревьев вились лианы, усыпанные нежными цветками, розовыми, оранжевыми и красновато-коричневыми. Крыши над половиной зала не было, и над головой мерцали звезды.

Ко мне подошел какой-то толстяк и оскалился, вероятно выражая свою радость от встречи. Он был в лакированных туфлях и темных брюках, в белом пиджаке, стилизованном под китель, и с винно-красным кушаком.

– Я к Сператце, – сказал я.

Он продемонстрировал мне все зубы до единого, включая пару золотых коронок.

– Я здесь управляющий, – сообщил он. – Могу чем-нибудь помочь?

– Да, – сказал я. – Позовите Сператцу. Передайте ему, что пришел Честер Кейн.

Если бы я заявил, что я король Георг VI, то и тогда его поведение изменилось бы не так стремительно.

– Тысяча извинений, не узнал вас, мистер Кейн, – проговорил он, сгибаясь пополам. – Синьор Сператца будет в восторге. Ему немедленно доложат о вашем прибытии.

Он развернулся и бешено замахал разодетому болвану рядом с барной стойкой. Тот сорвался с места с такой скоростью, словно в штанах у него тлела шутиха. Все это было заранее отрепетированной процедурой, приемом по высшему разряду, и он впечатлил меня именно так, как и должен был впечатлить.

– Милое тут у вас местечко, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

Слушал я его не очень внимательно. Мое внимание было поглощено женщинами в зале. Там было на что посмотреть. На таких красоток даже лошадь бы оглянулась. Я как раз собирался сказать очередной комплимент заведению, когда мимо меня прошла брюнетка в красном платье. У меня перехватило дыханье. Никогда в жизни не видел такой дразнящей походки. Ее бедра были обтянуты красным шелком так туго, что от любого движения по ткани шла легкая рябь. Плоть перетекала под платьем, словно густая, искусительная жидкость, словно расплавленный металл.

– Мы надеемся, вам понравится у нас, мистер Кейн, – говорил толстяк таким тоном, словно лично подсуетился и построил это здание, услышав о моем приезде. – Наверное, нужно представиться. Гиллермо, к вашим услугам. Не желаете ли выпить?

Я отклеил взгляд от бедер той женщины и сказал, что рад познакомиться с ним и выпить было бы недурно.

Мы подошли к бару, сели, водрузив ноги на изящную латунную подножку. Барная стойка сверкала чистотой, однако бармен быстрым механическим движением вытер ее, не сводя взгляда с Гиллермо.

– Что будете? – спросил Гиллермо.

– Наверно, немного бурбона, – сказал я.

Бармен налил на три пальца самого лучшего бурбона, какой мне когда-либо доводилось пробовать. Я сообщил об этом вслух.

В этот момент рядом со мной остановился мужчина с великолепным торсом.

– Синьор Сператца, – представил его Гиллермо, после чего исчез со сцены.

Я обернулся и оглядел вновь прибывшего. Он был наделен всеми достоинствами, о каких только может мечтать мужчина. Огромный, как дом, черные глаза с яркими, словно фарфоровыми, белками. Волосы довольно длинные, слегка волнистые на висках. Лицо смуглое, с румянцем. Настоящий красавец латиноамериканского типа.

– Мистер Кейн? – произнес он, протягивая руку.

– Точно, – сказал я, пожимая руку.

Хватка у него была медвежья, но и у меня не хуже. Мы мяли друг другу кости, прикидываясь, будто нам нисколько не больно.

Он сказал, как счастлив со мной познакомиться, и выразил надежду, что мне понравится в Парадиз-Палмз.

Я восхитился вслух его заведением и сообщил ему, что ничего подобного нет даже в Нью-Йорке. Кажется, он остался доволен.

К этому времени я уже успел допить бурбон, и он подозвал бармена.

– Два, – сказал он. – Внимательно посмотри на мистера Кейна, я хочу, чтобы ты запомнил его. Все, что он пожелает, – за счет заведения, это распространяется и на его друзей.

Бармен кивнул, быстро окинув меня взглядом с головы до ног, и я понял, что он никогда не спутает меня ни с кем другим.

– Все хорошо? – поинтересовался Сперaтца, сияя улыбкой.

– Шикарно, – сказал я.

– Мне неизвестно о ваших планах, мистер Кейн, – продолжал он, когда мы глотнули бурбона, – но если хотите немного отдохнуть и сыграть по маленькой, лучшего места вам не найти.

– Именно об этом я и мечтаю, – сказал я. – Мне хочется тишины и покоя, а еще небольшую компанию, когда я в таком настроении. – Я повертел стакан с бурбоном и продолжил: – Не хочу показаться неблагодарным, но, откровенно говоря, я слегка сбит с толку оказанным мне вниманием.

Он рассмеялся.

– Какой вы скромник, мистер Кейн, – сказал он, пожимая плечами. – Но даже в нашем маленьком городке на краю вселенной мы наслышаны о вас. Мы счастливы оказать гостеприимство такому удачливому игроку.

– Я это ценю, – заверил я, бросив на него тяжелый взгляд. – Но мне бы хотелось все прояснить. Я в отпуске, а это значит, что я не работаю. Меня не интересуют никакие предложения. Не знаю, будут ли мне что-либо предлагать, однако вся эта суета немного чрезмерна. Я не тешу себя мыслью, что я настолько важная персона. Так что шепните об этом кому надо. Я здесь исключительно ради отдыха, и всякие уговоры выводят меня из себя. Впрочем, если вы по-прежнему готовы меня привечать – валяйте, но я не расстроюсь, если вы прикроете лавочку и отправите меня восвояси.

Он от души рассмеялся, словно я отмочил самую забавную в мире шутку.

– Обещаю вам, мистер Кейн, вам не будут поступать никакие предложения. Городок у нас небольшой, но зажиточный. Мы гостеприимные люди. И нам нравится, когда особенные гости хорошо проводят у нас время. Мы хотим лишь, чтобы вы отдохнули и повеселились.

Я поблагодарил и пообещал, что так и сделаю.

Однако, несмотря на его складные речи и непринужденный смех, у меня осталось ощущение, что он глумится надо мной.

3

Мы еще немного поболтали и пропустили еще по глотку бурбона, Сператца высказал предположение, что я не прочь повеселиться, и как насчет девочки?

– А что насчет девочки? – спросил я.

– Я попросил мисс Уандерли позаботиться о вас, – сообщил он мне, демонстрируя крупные белые зубы в многозначительной улыбке. – Схожу за ней. Если она окажется не в вашем вкусе, скажите сразу, и я познакомлю вас с кем-нибудь еще. На нас работает много девушек, однако мисс Уандерли котируется особенно высоко.

Я выразил надежду, что тоже выставлю мисс Уандерли высший балл.

– Я удивлюсь, если будет иначе, – отозвался он и, благодушно улыбаясь, пошел через ресторан.

Я глядел ему вслед, прикидывая, сколько пройдет времени, прежде чем он или тот, кто стоит за этим торжественным приемом, потребует платы. Я нисколько не сомневался, что кто-то умасливает меня, чтобы затем что-то с меня стрясти.

На меня поглядывал высокий, видный мужчина с седыми волосами и резкими чертами смуглого лица. Он стоял в одиночестве на другом конце бара. Внешне он напоминал судью, или врача, или адвоката, а смокинг сидел на нем так безупречно, словно его кроил ангел.

Я видел, как он поманил к себе бармена и что-то сказал ему. Бармен бросил на меня быстрый взгляд, кивнул и отвернулся. Седоволосый направился ко мне.

– Насколько я понимаю, вы Честер Кейн, – произнес он отрывисто.

– Верно, – сказал я.

Дружелюбия он не выказывал, и потому я не стал протягивать ему руку.

– Я Джон Херрик, – представился он, глядя на меня в упор. – Вы обо мне не слышали, зато я наслышан о вас. Честно говоря, мистер Кейн, я не рад видеть вас здесь. Насколько я понимаю, вы в отпуске, и я лишь надеюсь, что это окажется правдой. Если так, вы, наверное, не затеете никаких безобразий.

Я вытаращился на него.

– Слава богу, хоть кто-то мне не рад, – сказал я. – А то я уже начал верить, будто меня приветствуют от души.

– В этом городке хватает неприятностей и без заезжих молодцов, то и дело хватающихся за оружие, – спокойно парировал Херрик. – Подозреваю, бессмысленно просить вас не давать нам поводов для жалоб?

– Вы все неправильно поняли, – засмеялся я. – Не такой уж я необузданный. Слушайте, если меня не задевать, я милейший парень. Лишь когда на меня наезжают, я начинаю нервничать, а когда я нервничаю, я действительно слегка слетаю с катушек.

Он задумчиво рассматривал меня.

– Прошу прощения за подобную прямолинейность, мистер Кейн. Я не сомневаюсь, что, если вас не задевать, вы ведете себя так же мирно, как и любой из нас. Но мне кажется, было бы лучше, если бы вы передумали оставаться в Парадиз-Палмз. У меня предчувствие, что кто-нибудь непременно заденет вас в самое ближайшее время.

Я уставился в свой стакан.

– У меня тоже такое предчувствие, – сказал я, – но я все равно задержусь здесь.

– Печально это слышать, мистер Кейн, – сказал он. – Вы можете пожалеть о своем решении.

Я почувствовал возле своего локтя Сператцу.

Херрик резко развернулся, прошел через зал и скрылся в фойе.

Я смотрел на Сператцу, тот смотрел на меня. Всего на миг в его глазах промелькнуло сомнение, подсказавшее мне, что он ощущает себя не в своей тарелке.

– Этот был не из вашей приветственной делегации, – заметил я.

– Не стоит из-за него беспокоиться, – сказал Сператца, сверкая улыбкой. Улыбка далась ему нелегко, но он справился. – У него в следующем месяце выборы. – Он скорчил гримасу и добавил: – Продвигает реформы.

– Кажется, он весьма заинтересован в том, чтобы Парадиз-Палмз оставался милым чистеньким городком, – сухо произнес я.

– У всех политиков имеется платформа, – пожав плечами, проговорил Сператца. – Никто не воспринимает его всерьез. Он не пройдет. Народ голосует за Эда Киллеано.

– Повезло Эду Киллеано, – сказал я.

Мы снова уставились друг на друга, затем Сператца помахал кому-то.

К нам двинулась через зал девушка. На ней был жакет-болеро из синего крепа. Юбка с восьмидюймовым разрезом на боку тоже была из синего крепа, а блузка алая. И могу поспорить: если этой блондинке случалось идти через кладбище, даже покойники выглядывали из могил, чтобы свистнуть ей вслед.

К тому моменту, когда я сумел выдохнуть, она уже стояла рядом со мной. От нее пало духами «Русская империя» – аромат, от которого учащенно бьются сердца царей. Не могу даже описать, как забилось мое сердце.

Сператца смотрел на меня с тревогой.

– Мисс Уандерли, – представил он, подняв брови.

Я посмотрел на нее, и она улыбнулась. У нее оказались мелкие блестящие зубки, белые, как мякоть под кожурой апельсина.

– Может, вы позволите нам с мисс Уандерли познакомиться поближе? – поинтересовался я, снова оборачиваясь к Сператце. – Мне кажется, мы с ней прекрасно поладим.

На его лице настолько явственно отразилось облегчение, что я засмеялся.

– Замечательно, мистер Кейн, – сказал он. – Может, встретимся чуть позже наверху? У нас имеется четыре стола с рулеткой, или можно организовать для вас партию в покер.

Я покачал головой.

– Что-то подсказывает мне, что этим вечером будет не до игры, – сказал я и, взяв мисс Уандерли за руку, направился к бару.

Краем глаза я видел, как отчалил Сператца, и тогда я сосредоточил все свое внимание на мисс Уандерли. И решил, что она бесподобна. Я глядел на длинные локоны ее волос, на изгибы тела – особенно на изгибы. Груди у нее были как кубинские ананасы.

– За это надо выпить, – объявил я, жестом подзывая бармена. – Из какого уголка рая ты сбежала?

– Я не сбегала, – рассмеялась она. – Меня выпустили условно-досрочно, но я-то думала, что это всего лишь новая работа. Теперь понимаю, что ошибалась.

Бармен смотрел на нас.

– Что будешь пить?

– «Зеленый попугай», – сказала она. – Фирменный коктейль Тони.

– Хорошо, – сказал я бармену. – Смешайте два.

Пока бармен готовил напитки, я продолжил разговор:

– Значит, теперь ты не считаешь, что это просто новая работа?

Она помотала головой.

– Я разбираюсь в людях, – сказала она. – С тобой будет весело.

Я подмигнул ей:

– Это только полдела. Чем займемся? Я к тому, что нужно составить программу.

– Мы выпьем, потом поужинаем, потом потанцуем, а потом отправимся на пляж купаться. После еще выпьем, а потом…

– Именно, что потом?

Ее ресницы затрепетали.

– Потом будет видно.

– Звучит волнующе.

Она надула губки:

– Ты что, не хочешь со мной танцевать?

– Конечно хочу.

У меня появилось предчувствие, что этой ночью двигать рояль не придется.

Бармен поставил перед нами два больших бокала, наполненных на три четверти зеленой жидкостью. Я только потянулся за бумажником, как он уже отошел.

– Никак не могу привыкнуть, что все за счет заведения, – пожаловался я, поднимая бокал.

– Привыкнешь, – пообещала она.

Я сделал большой глоток коктейля и спешно опустил бокал на барную стойку. Схватился за горло, кашляя и жмурясь. Это пойло, кажется, устроило взрыв у меня в животе, зато миг спустя ощущение было такое, словно я сижу на облаке.

– Ничего себе! Пробирает до кишок, – заметил я, когда снова смог говорить.

– Тони очень им гордится, – сказала она, осторожно потягивая коктейль. – Просто чудо! Я прямо чувствую, как он доходит до пальцев на ногах.

К тому времени, когда с «зелеными попугаями» было покончено, мы общались так, словно были знакомы сто лет.

– Давай поедим, – сказала она, соскальзывая с высокого стула и беря меня под руку. – Гиллермо приготовил для тебя особенный ужин.

Она сжала мне локоть и улыбнулась. Ее взгляд был откровенно зазывным.

Гиллермо был тут как тут и проводил нас за столик. Над головой у нас сияли звезды. С моря веял теплый бриз. Оркестр играл какую-то убаюкивающую мелодию: духовые выдували под сурдинку ноты, похожие на шарики ртути, гладкие и округлые. Еда была невыразимо вкусная, так же как и поданное к ней вино. Нам не пришлось утруждаться, объясняя, чего нам хочется. Тарелки появились на столе сами собой, и мы ели с наслаждением.

Потом мы танцевали. На танцплощадке было не очень много народу, и мы двигались по широкому кругу. Танцевать с ней было все равно что танцевать с Джинджер Роджерс[4].

Я как раз думал, что это лучший вечер в моей жизни, когда вдруг заметил коренастого мужчину в зеленом габардиновом костюме, стоявшего рядом с оркестром. У него была плоская, злобная харя, и он наблюдал за мной недобро блестевшими глазками. Наткнувшись на мой взгляд, он резко развернулся и скрылся из виду за занавеской, прикрывавшей выход.

Мисс Уандерли тоже его заметила. Я почувствовал, как напряглась ее спина, и она сбилась с такта, отчего я едва не наступил ей на ногу.

Она отстранилась от меня.

– Пошли купаться, – предложила она внезапно и двинулась в сторону фойе, отвернув от меня лицо.

Я успел увидеть ее отражение в зеркале.

Она была бледна.

---

[4] *Джинджер Роджерс* (1911–1995) – американская актриса, певица и танцовщица. Особенно прославилась, выступая и снимаясь в паре с Фредом Астером.

4

Я ехал по шоссе вдоль пляжа Дейден-Бич, пустынной полоски песка с пальмами, в нескольких милях от казино.

Мисс Уандерли сидела рядом со мной. Она мурлыкала себе под нос какую-то песенку и, кажется, снова была в хорошем настроении.

Мы катили вдоль морского берега в лунном свете. Было жарко, но в открытые окна «бьюика» врывался океанский бриз.

– Почти приехали, – сказала мисс Уандерли. – Смотри, отсюда уже видно.

Впереди, у самой линии прибоя, возвышалась группка пальм. Никаких иных признаков жизни не наблюдалось, и это было прекрасно.

Я съехал с шоссе и повел машину вниз по песку, пока тот не сделался слишком рыхлым, тут я остановился, и мы вышли.

Вдалеке виднелись яркие огни Парадиз-Палмз, оттуда доносились едва слышные звуки музыки. Ночь стояла безветренная, и звук распространялся на большое расстояние.

– Очень мило, – сказал я. – Что будем делать?

Мисс Уандерли подняла юбку выше колена и принялась скатывать чулки. Ноги у нее были стройные и мускулистые.

– Лично я – купаться, – сказала она.

Я обошел машину, открыл багажник и вынул пару полотенец и свои плавки. Меньше чем через две минуты я был готов. Теплый ветерок приятно обдувал кожу. Я обогнул «бьюик». Мисс Уандерли дожидалась меня. На ней были белые лифчик и трусики.

– Купальник так себе, – заметил я.

Она согласилась со мной и сняла белье.

Я на нее не смотрел.

Мы пошли по песку, держась за руки. Песок был горячий, и ноги погружались в него по щиколотку. Я бросил на нее взгляд, когда мы входили в воду. Скульптор мог бы просто отлить ее в бронзе, и потом ему не пришлось бы ничего подправлять. Я сам удивился, что так спокойно реагирую.

Мы доплыли до спасательного плотика на якоре. Море было теплое. Мисс Уандерли подтянулась на руках, забираясь на плот, и стала похожа на ундину со дна морского.

Я плавал вокруг плота, рассматривая ее в лунном свете. В свое время у меня было немало женщин, но эта была просто картинка.

– Хватит, – сказала она, – ты меня смущаешь.

Я влез на плот и сел рядом.

– Не смущайся, – сказал я.

Она поглядела на меня через плечо, а потом привалилась ко мне спиной. Спина была теплая, но крошечные капли воды на ее коже холодили меня.

– Расскажи мне о себе, – попросила она.

– Тебе будет неинтересно, – сказал я.

– Расскажи.

Я широко улыбнулся ей:

– Я жил самой обычной жизнью до тех пор, пока не пошел в армию. Вернулся из Франции с кучей медалей за снайперскую стрельбу, роскошным военным неврозом и неуемной тягой к азартным играм. Никому я был не нужен. Работу найти не смог. Как-то раз я сел играть в покер. Та покерная партия затянулась на три недели. Мы брились, ели и пили за игровым столом. Я выиграл пять кусков, а потом один игрок как с цепи сорвался. Я ударил его бутылкой, а он наставил на меня пушку. Оружие меня не пугает. Я побывал в арденнской заварухе. После

такого все, что может выкинуть какой-то там картежник, просто детский лепет. Я вырвал у него пистолет и дал ему по лбу. Мы продолжили играть, сгрузив того парня под стол. Ставили на него ноги, как на коврик.

Она скрестила руки на груди и поболтала ногой в воде.

– Крутой парень, – сказала она.

– Ага, – согласился я. – Мне не понравилась та пушка. Она заставила меня задуматься. В один прекрасный день, решил я, на меня наставит оружие какой-нибудь парень, который умеет им пользоваться. И потому я купил себе пистолет. Я хотел обращаться с оружием лучше, чем кто-либо другой. Видишь ли, после армии появляется привычка гордиться тем, что ты делаешь что-то лучше товарища. Я сидел в номере захудалой гостиницы и учился выхватывать пистолет из кобуры и жать на спусковой крючок. Упражнялся по шесть часов в день целую неделю. Кажется, достиг успеха. До сих пор я не встречал никого, кто выхватывал бы оружие быстрее меня. Та неделя тренировок уже пять раз спасла мне жизнь.

Она поежилась:

– Говорили, ты безжалостный, но теперь, познакомившись с тобой, я в это не верю.

– Правильно, – сказал я, опуская руку ей на бедро. – Я объясню тебе, как это обычно происходит. Какой-нибудь слюнтяй вдруг решает, что он самый крутой на свете. Он считает, что лучше его никого нет. Может, он просто дурак, или перебрал, или еще что. Не знаю. Но какова бы ни была причина, он мнит, что он самый-самый и должен доказать это всем и каждому. Остальным плевать, крут он или нет, но этот паршивец не понимает. И что же он делает? Он глядит по сторонам, выискивая парня с определенной репутацией, цепляется к такому парню и затевает ссору. Он рассуждает так: если я превзойду его, то стану круче всех. И обычно он цепляется ко мне. – Я поболтал в воде ногой. – Я сношу все, что он мне говорит, потому что знаю: я могу побить его в любой момент, когда пожелаю, но убивать я не стремлюсь. В этом нет смысла. И потому я сижу и позволяю ему наезжать. Наверное, я не прав, потому что это подзадоривает его, и он тянется за пушкой. И тогда мне приходится убивать, потому что я, как ни странно, люблю себя и умирать не хочу. Люди говорят, я жестокий, но они ошибаются. На меня давят, и я не в силах сдержаться.

Она ничего не сказала.

– То же самое вот-вот случится и здесь, – продолжал я. – Какой-то умник в этом городишке считает себя крутым, он разработал сложный сценарий, чтобы показать всему городу, как быстро он наставит на меня пушку. Он собирается загнать меня в угол. Я не знаю, кто он такой и когда начнет игру, но я знаю, что́ тут назревает, и чутье подсказывает мне, что ты тоже замешана в этом. – Я улыбнулся ей. – Остается выяснить, знаешь ли ты, что затевается, или же ты просто шикарная декорация.

Она покачала головой.

– Ты чокнутый, – сказала она. – Ничего не затевается.

– Из этого по-прежнему непонятно, за меня ты или против, – сказал я.

– Я за тебя, – сказала она.

Я обнял ее одной рукой и перебросил ее ноги через свои, усаживая себе на колени. Она прижалась к моей груди, ее волосы, влажные и ароматные, прилипли к моей щеке.

– Я знала, что с тобой будет интересно, – сказала она.

Я взял ее за подбородок и развернул лицом к себе. Она закрыла глаза. В лунном свете ее лицо белело словно фарфоровая маска. Я посмотрел на нее, а потом поцеловал. Губы у нее были солоноватые. А еще – упругие, прохладные и очень приятные. Мы на какое-то время застыли так, лишь плот вздымался на волнах; мне было совершенно наплевать, что случится дальше, хотя я и не сомневался – случится обязательно.

Внезапно она оттолкнула меня, соскользнула с моих коленей и встала. Я посмотрел на нее. При виде такой красоты желание накатило будь здоров. Когда я попытался ее ухватить,

она нырнула и уплыла от меня. Я сидел на плоту и ждал. Чуть погодя она развернулась и поплыла обратно. Я утопил в море край плота, и она скользнула на него, улегшись на живот. Она лежала рядом со мной, уткнувшись подбородком в ладони и скрестив лодыжки. У нее была такая красивая спина.

– А теперь ты расскажи о себе, – попросил я.

Она покачала головой:

– Нечего там рассказывать.

– Должно быть хоть что-то. Сколько ты уже здесь живешь?

– Год.

– А до того?

– В Нью-Йорке.

– Танцовщица.

– Точно.

– Как ты познакомилась со Сперaтцей?

– Просто познакомилась.

– Он тебе нравится?

– Он для меня пустое место.

– Ты обхаживаешь особенных гостей?

– Предполагалось, что так будет.

– А кого еще, кроме меня, ты обслуживала?

– Никого.

– Значит, я первый особенный гость в Парадиз-Палмз?

– Должно быть, так.

– Работа тебе нравится?

Она перекатилась на спину.

– Да, – сказала она и поглядела на меня.

В ее глазах я прочитал, что оставаться и дальше на этом плоту – напрасная трата времени.

– Ладно, – сказал я. – Поехали отсюда.

Она первая бросилась в воду.

5

– Хочу показать этой юной леди вид с моего балкона, – сказал я ночному портье, когда тот выдал мне ключ.

Я ожидал, что он напомнит, какой респектабельный у них отель, или хотя бы бросит на меня косой взгляд, однако ничего не случилось. Он поклонился.

– Приятно слышать, что вы нашли вид достойным, чтобы показать его мадам, – произнес он. – Желаете еще что-нибудь в номер, мистер Кейн?

Он говорил без тени сарказма – кажется, он и впрямь был готов вывернуться наизнанку, чтобы мне угодить.

– Скотч не помешал бы, – сказал я.

– В одном из шкафов в вашей гостиной имеется запас напитков, мистер Кейн, – сообщил он. – Всего час назад все это принесли в подарок от мистера Киллеано.

Я кивнул.

– Отличная была идея, – сказал я, не собираясь показывать ему, как я удивлен.

Мы с мисс Уандерли прошли по пустому фойе к лифтам.

Она смотрела на меня, вопросительно подняв брови.

– Он так и рвется организовать мне хороший отпуск, – пояснил я, пожимая плечами. – Готов даже лично явиться и подоткнуть нам одеяло.

Она хихикнула.

Мимо нас прошел гостиничный коп. Я определил, что он гостиничный коп, по размеру его обуви. Нас он как будто не заметил.

Лифтер и коридорные смотрели на мисс Уандерли так, словно она была невидимкой. Все эти лакеи действительно были воплощением тактичности.

Часы на стойке регистрации показывали половину третьего ночи. А у меня сна не было ни в одном глазу.

Когда мы шли по широкому, устланному толстым ковром коридору к моему номеру, я спросил:

– А ты знаешь этого парня, Киллеано?

– Я-то надеялась, что твои мысли обо мне, – с укоризной сказала она.

– У меня мозг как у шизофреника, – заявил я. – Могу думать о двух вещах сразу.

Я отпер дверь, и она вошла вслед за мной. Ответа на свой вопрос я так и не получил.

Закрыв дверь, я понял, что все-таки не могу думать о двух вещах сразу.

Мисс Уандерли высвободилась из моих объятий, но не раньше, чем у меня зашумело в ушах.

– Я ведь пришла полюбоваться на вид, помнишь? – сказала она, но я видел по тому, как вздымалась и опадала ее грудь, что она распалилась не меньше моего.

– Вид что надо, – заверил я, и мы двинулись через комнату, чтобы взглянуть.

Проходя мимо зеркала, я увидел, что рот у меня испачкан губной помадой. Но даже это возбуждало.

Мы вышли на балкон. Луна была похожа на тыкву. Движение на улице затихло, лишь двое припозднившихся гуляк брели вдоль берега.

Я расстегнул пуговицы на блузке мисс Уандерли. От своего болеро она успела избавиться где-то по дороге. Она прижалась ко мне и взяла мои руки в свои.

– Не хочу, чтобы ты думал, будто я с каждым вот так, – проговорила она тихо.

– Хорошо, – согласился я. – Эта ночь принадлежит только мне и тебе.

– Знаю, но я не хочу, чтобы ты думал…

– Я и не думаю.

Она развернулась и обняла меня за шею. Мы немного постояли так. Было очень приятно. Потом я понес ее в спальню и опустил на кровать.

– Дождись меня, – попросил я.

Я разделся в ванной, накинул шелковый халат и вышел в гостиную. Пошарил по шкафам, пока не нашел гостинцы от Киллеано. Он прислал четыре бутылки скотча, бутылку бренди и содовую «Уайтрок». Я выбрал бренди и вернулся в спальню.

Мисс Уандерли лежала в постели. Волосы у нее высохли и струились по подушке медовыми ручейками. Она взглянула на меня и улыбнулась.

Я разлил бренди по бокалам. Протянул бокал ей, потом понюхал свой. Букет был чудесный.

– За тебя и за меня, – сказал я.

– Нет, только за тебя, – возразила она.

– Ладно, тогда потом за тебя.

Я выпил.

Она поставила бокал на столик у кровати, не притронувшись к нему. Ее темные глаза были широко распахнуты.

Я смотрел на нее, чувствуя, как холодок пробежал по спине. Алкоголь устремился в желудок.

– Как же я не подумал об этом, – произнес я.

Комната медленно закружилась, потом накренилась.

– Подарочек от Киллеано, – услышал я собственное бормотание. – Только не для невесты.

Я таращился в потолок. Свет угасал точно так, как это бывает в кинотеатре. Я силился пошевелиться, но мышцы не слушались. Я скорее почувствовал, чем увидел, как мисс Уандерли встала с постели. Мне хотелось сказать ей «смотри не простудись», но язык превратился в кусок вялой кожи.

Я услышал голоса, мужские. Тени заходили по стене. А потом я покатился по темному желобу в темноту.

6

Я начал выкарабкиваться из темного колодца к крошечным точкам света наверху. Это было нелегко, но я не сдавался, потому что где-то рядом кричала женщина.

Затем я вдруг оказался наверху колодца, и меня ослепил солнечный свет. Я услышал собственный стон, а когда попытался сесть, мне показалось, что у меня отвалилась макушка. Я, чертыхаясь, схватился за голову, чтобы ее удержать и обуздать боль. Женщина кричала не умолкая. От этого звука кровь стыла в жилах.

Я сделал усилие над собой. Пол ушел из-под ног, когда я встал, но мне удалось пересечь комнату. Шагал я так, словно в грудь бил ветер, дующий со скоростью сто миль в час.

Я добрался до двери спальни, вцепился в притолоку и заглянул в гостиную.

Мисс Уандерли стояла, прижавшись к дальней стене. Руки у нее были широко раскинуты, ладони упирались в нежно-голубую стенку. Она была в чем мать родила, рот широко раскрыт. Когда я взглянул на нее, она снова закричала.

Голова у меня была словно набита ватой, но этот крик червем ввинчивался в мозг, от него даже зубы ныли.

Я перевел взгляд с мисс Уандерли на пол. Джон Херрик лежал на спине, окоченевшие руки согнуты под странным углом, кисти скрючены. Часть лба у него отсутствовала, и черная кровь испачкала белые волосы, растекшись вокруг головы зловещим нимбом.

В дверь заколотили тяжелые кулаки. Кто-то что-то выкрикнул.

Мисс Уандерли прерывисто вздохнула и снова завизжала.

Я пересек комнату и дал ей пощечину. Глаза у нее закатились так, что стали видны одни белки, и она сползла по стенке на пол. На нежно-голубой стене остались две влажные отметины от ее плеч и бедер.

Дверь рывком распахнулась, и ворвалась целая толпа.

Я встретил их, не дрогнув. Они продвинулись немного и остановились. Они смотрели на меня, смотрели на мисс Уандерли, смотрели на Джона Херрика. Я смотрел на них.

Тут был и портье снизу, и гостиничный коп, и коридорный, еще две важного вида дамы, трое мужчин в белых фланелевых костюмах и какой-то жирдяй в пиджаке. Возглавлял толпу тот парень в зеленом габардиновом костюме и с недобрым лицом, который следил за мной в казино.

Две важные дамы принялись кричать, как только заметили Херрика. Я их понимал. Я и сам был не прочь закричать. А вот человек в зеленом габардине взбеленился.

– Выставите отсюда этих сучек! – рявкнул он. – Давайте, выметайтесь отсюда, все!

Портье и гостиничный коп остались, но всех остальных выгнали.

Когда дверь закрылась, человек в габардиновом костюме развернулся ко мне.

– Что здесь происходит? – спросил он с нажимом, сжав кулаки и выставив вперед челюсть.

По этой дурацкой позе я догадался, что он из полиции. Так и оказалось.

– Обыщите меня, – пытался сказать я, но слов не получалось. Рот был как будто набит ржавыми трехдюймовыми гвоздями.

Крупный парень, гостиничный коп, пересек комнату на цыпочках, словно был в церкви, и зашел в спальню. Обратно он вернулся с одеялом, которым стыдливо прикрыл мисс Уандерли. Та лежала на спине, гротескно раскинув руки и ноги и закрыв глаза.

– Кто этот человек? – спросил коп в габардине, оборачиваясь к портье и указывая на меня.

У портье был такой вид, будто его вот-вот вырвет. Лицо у него стало бледно-зеленым.

– Мистер Честер Кейн, – произнес он отстраненным голосом.

Кажется, этот уродливый коп обрадовался.

– Точно?

Портье кивнул.

Коп повернулся ко мне. Его плоская рожа так и сочилась злобой.

– Нам все о тебе известно, – сказал он. – Я Флаггерти из уголовного розыска. Ты здорово вляпался, Кейн.

Я понимал, что обязан заговорить, даже если это меня прикончит.

– Вы спятили, – проговорил я. – Я этого не делал.

– Когда находишь гаденыша с такой репутацией, как у тебя, в одной комнате с убитым человеком, не надо ходить далеко, чтобы отыскать убийцу, – ухмыльнулся Флаггерти. – Ты арестован, и лучше бы тебе начать говорить.

Я пытался соображать, но мозг просто не работал. Чувствовал я себя препогано, голова гудела и пульсировала.

Портье потянул Флаггерти за рукав и отвел в сторонку. Зашептал ему что-то. Сначала Флаггерти не слушал. Затем я уловил имя Киллеано, и, кажется, это охладило Флаггерти. Он посмотрел на меня с сомнением и пожал плечами.

– Ну ладно, – сказал он портье, – только это напрасная трата времени.

Портье вышел из номера. Ему пришлось пробивать себе дорогу через толпу в коридоре, и трое или четверо из собравшихся тут же попытались протиснуться в комнату. Флаггерти захлопнул дверь у них перед носом. Потом он подошел к окну и принялся смотреть на улицу.

Гостиничный коп тронул меня за руку, протянул мне стакан с виски.

Я взял его и выпил. Именно это мне и требовалось.

Я сказал, что хочу добавки.

Гостиничный коп плеснул мне еще. Он стоял, глуповато улыбаясь, и в его глазах читалось желание угодить, смешанное с ужасом.

А затем вдруг вата у меня в голове куда-то делась, боль утихла, и я почувствовал себя как нельзя лучше, учитывая сложившиеся обстоятельства. Я попросил у гостиничного копа сигарету, он дал мне ее и поднес огонь. Его жирная волосатая рука подрагивала.

– Конечно, пусть этот козел чувствует себя как дома, – сказал Флаггерти от окна. Теперь он следил за мной, сжимая в руке тупорылый автоматический пистолет. – Не сходи с места, Кейн, – продолжал он. – Я с тобой рисковать не стану.

– Да бросьте, – произнес я. – Я понимаю, что выглядит все скверно, но девушка расскажет, что здесь случилось, как только очнется. Лично мне ничего не известно.

– Как всегда, – хмыкнул Флаггерти.

– Я бы на вашем месте ничего не говорил, мистер Кейн, – прошептал гостиничный коп. – Пока не придет мистер Киллеано.

– А он придет? – удивился я.

– Конечно. Вы же его гость, мистер Кейн. Мы хотим вытащить вас, если только сумеем.

Я уставился на него.

– Сдается мне, что нигде в мире больше нет гостиницы с таким сервисом. – Вот и все, что я смог придумать в ответ.

Он глуповато улыбнулся мне, избегая смотреть в глаза.

Я поглядел на мисс Уандерли. Она так и лежала без сознания, и я сделал шаг в ее сторону.

– Стоять, Кейн! – гаркнул Флаггерти. – Стой на месте.

Я понял, что он выстрелит, стоит дать ему хотя бы намек на повод, потому пожал плечами и сел.

– Вы бы привели даму в чувство, – посоветовал я. – Ей придется многое рассказать.

– Попробуй ты, – велел Флаггерти гостиничному копу.

Большой парень опустился рядом с ней на колени. Похоже, она смущала его, потому что он просто глазел и ничего не делал.

Я окинул комнату взглядом. В пепельницах торчали сигаретные окурки. На каминной полке возвышались две пустые бутылки из-под скотча. Еще одна валялась на ковре, и, судя по большому мокрому пятну, ее содержимое вытекло. В номере стояла спиртуозная вонь. Ковры сбиты, стул опрокинут. Сцена должна была выглядеть так, будто здесь бушевала пьяная оргия. Все и выглядело так, будто здесь бушевала пьяная оргия.

На полу рядом с покойником валялся тяжелый «люгер». На прикладе была запекшаяся кровь с седыми волосами. Пистолет я узнал. Он был мой.

Я сидел, глядя на него, и чувствовал жуткий страх. Если только мисс Уандерли не заговорит, я вляпался по уши. Надеюсь, она скоро заговорит.

Мы просидели в молчании почти полчаса. Мисс Уандерли шевельнулась пару раз и застонала, однако не очнулась от своего обморока. То был самый глубокий обморок, тянувший на рекорд. Наверное, она хотела завоевать себе титул.

Когда я уже начал терять терпение, дверь резко распахнулась и в комнату ворвался низенький, квадратный человек в большой черной шляпе. Он напомнил мне Муссолини тех времен, когда он потрясал кулаком со своего балкона. Человек мгновенно оценил обстановку, а затем направился ко мне.

– Кейн? – уточнил он, протягивая руку. – Я Киллеано. Беспокоиться не о чем. Я прослежу, чтобы с вами поступили честно. Вы мой гость, а я умею принимать гостей.

Я не пожал ему руки. Я даже не встал.

– Киллеано, ваш политический соперник мертв, – сказал я, меряя его взглядом. – Так что вам тоже не о чем беспокоиться.

Он спешно опустил руку и взглянул на Херрика.

– Бедняга, – сказал он. Могу поклясться, на глазах у него блеснули слезы. – Он был достойным, честным соперником, какая огромная утрата для городской администрации.

– Оставьте это для газет, – посоветовал я.

Все мы торчали там, словно толпа болванов, когда мисс Уандерли села и снова начала визжать.

7

Киллеано оказался чертовски хорошим организатором.

– Мы будем справедливы к Кейну, – проговорил он, ударяя кулаком по спинке стула. – Я понимаю, что все складывается не в его пользу, однако он мой гость, и я прослежу, чтобы к нему отнеслись со снисхождением.

Флаггерти выругался себе под нос, но боссом был Киллеано.

– И зачем это? – пожимая плечами, спросил Флаггерти. – К чему впустую тратить время? Я хочу, чтобы этот парень отправился в управление на допрос.

– Мы не знаем, виновен ли он, – рявкнул Киллеано, – и я не дам его арестовать, пока не буду знать наверняка, что вам есть что ему предъявить. Мы допросим его здесь.

– Дружище, – произнес я.

Он даже не взглянул в мою сторону.

– Пусть эта женщина замолчит, – продолжал он, указывая на мисс Уандерли, которая сидела в сторонке, рыдая в носовой платок гостиничного копа. – Я не хочу, чтобы она раскрывала рот раньше, чем мы выслушаем остальных свидетелей.

Я курил и смотрел в окно, пока Киллеано орал в телефон, обо всем договариваясь. Наконец он устроил все так, как ему хотелось, и мы начали. Ночной портье, гостиничный коп, лифтер, Сперaтца и бармен из казино приехали и выстроились в очередь в коридоре. Всем им было приказано ждать.

Мисс Уандерли велели одеться. Ее увели в ванную под конвоем толстой женщины в черной униформе, спешно вызванной из местной тюрьмы, чтобы присматривать за ней.

Появились два крутых копа, которые встали за спинкой моего стула, делая вид, что вовсе не собираются пристукнуть меня при малейшей попытке покинуть собрание. Еще были Флаггерти, два фараона в штатском, фотограф и доктор. И стенографист, маленький человечек с выпученными глазами, который сидел в уголке и строчил так, словно не моя жизнь, а его собственная зависела от того, сумеет ли он все записать. Ну, еще присутствовал я и, конечно же, дружище Киллеано.

– Хорошо, – сказал Киллеано. – Приступим.

Флаггерти едва из кожи вон не лез, чтобы впиться в меня когтями. Он стоял передо мной, выпятив челюсть и злобно зыркая бусинками глаз.

– Ваше имя Честер Кейн? – вопросил он, как будто не знал.

– Да, – ответил я, – а вы лейтенант Флаггерти, человек, у которого нет друзей, чтобы представить его.

Киллеано подскочил:

– Слушайте, Кейн, дело-то серьезное. Может, обойдемся без шуточек?

– Я козел отпущения, – произнес я, улыбаясь ему. – Какая вам разница, как я себя веду?

– Ну, никакой пользы вам от этого не будет, – пробормотал Киллеано, но затих.

Флаггерти нетерпеливо вышагивал по комнате, и как только Киллеано успокоился, он начал снова.

– Ладно, – сказал он. – Вы Честер Кейн, и вы профессиональный игрок.

– Не назвал бы игру профессией, – заметил я.

Его физиономия сделалась багровой.

– Но вы признаете, что зарабатываете себе на жизнь азартными играми?

– Нет. Зарабатывать на жизнь я еще и не начинал, – заявил я. – Я только что вернулся из армии.

– Вы демобилизовались четыре месяца назад, и все это время вы играли в азартные игры?

Я кивнул.

– И вы выиграли большую сумму?

– Неплохую, – сказал я.

– Двадцать тысяч долларов – это, по-вашему, просто неплохая сумма?

– Ничего так.

Он засомневался, затем решил продолжать. Он ведь установил тот факт, что я играю.

– Правда ли, что за последние четыре месяца вы убили пять человек? – вдруг выпалил он.

Киллеано вскочил с места.

– Не записывайте это, – воскликнул он, и его маленькие глазки широко раскрылись от негодования. – Кейн убил этих людей в пределах самообороны!

– Он их убил! – выкрикнул в ответ Флаггерти. – Только подумайте! Пять человек за четыре месяца! Ничего себе рекорд! Самооборона там или нет, это возмутительно, и каждый порядочный гражданин нашей страны должен быть возмущен!

Киллеано сел, что-то бормоча себе под нос. Наверное, хотел, чтобы его тоже записали в порядочные граждане.

– Продолжайте, – окрысился Флаггерти, нависая надо мной. – Значит, вы убили пять человек?

– Пять уродов, у которых руки чесались пострелять, пытались убить меня, и я защищался, – пояснил я спокойно. – Если вы имеете в виду это, тогда да, я убил их.

Флаггерти развернулся к стенографисту и всплеснул руками.

– Добровольное признание в убийстве пяти невинных человек! – пролаял он.

При этих словах Киллеано снова вскочил с места, но мне все это уже начало надоедать.

– Перестаньте, – сказал я Киллеано. – Все факты зафиксированы, и суд города Нью-Йорка полностью меня оправдал. Кому есть дело, что по этому поводу думает коп из заштатного городишка? Поберегите силы.

Флаггерти выглядел так, словно его сейчас хватит удар.

– Продолжайте, – отрезал Киллеано, усаживаясь на место и бросая на меня тяжелый взгляд.

– Еще увидим, есть кому-то дело или нет, – произнес Флаггерти, сжимая кулаки. – И вот что я сейчас скажу. Вы приехали в Парадиз-Палмз, зная, что это настоящая золотая жила, и вы собирались почистить здесь игровые столы.

– Ну и чушь! – сказал я. – Я приехал сюда отдохнуть.

– Однако не пробыли вы в городе и нескольких часов, как уже кинулись в казино, – ухмыльнулся Флаггерти.

– Меня пригласил Сперaтца, – пояснил я, – и, поскольку больше заняться было нечем, я пошел.

– Как давно вы знакомы со Сперaтцей?

– Я с ним не знаком.

Флаггерти удивленно вскинул брови:

– Так вы его не знаете? Разве не странно, что Сперaтца приглашает вас в казино, не будучи с вами знакомым?

– Более чем странно, – согласился я, широко улыбаясь ему.

– Именно, – сказал Флаггерти. Он шагнул вперед. – А может, он вас не приглашал? Может, вы сами себя пригласили, потому что собирались вломиться туда и быстро обчистить столы. – Он тыкал пальцем мне в лицо и орал во всю мочь.

– Не делайте так, – попросил я мягко, – если не хотите схлопотать по роже.

Он развернулся, пересек комнату, открыл дверь и вызвал Сперaтцу.

Сперaтца был в светло-синих брюках, очень аккуратных, со складками у пояса, и в пиджаке горчичного цвета, с такими громадными плечами, что казался в нем широким, как

шкаф. Острые лацканы торчали на восемь дюймов, и на левом красовался бутон белой розы. Могу поспорить, некоторые дамы при виде него падали в обморок.

Он одарил улыбкой всех присутствующих, бросил взгляд на тело Херрика, накрытое одеялом, и его улыбка угасла. Он посмотрел на меня, затем быстро отвел взгляд.

Я закурил очередную сигарету. Спустя пару секунд я понял, к чему все идет.

Довольно быстро понял. Сперaтца сказал, что не звонил мне. Он заявил, что вообще не знал о моем приезде в город, пока не увидел меня в казино. Дальше он сказал, что был наслышан обо мне и очень огорчился, увидев меня в своем заведении.

Тут мне стало ясно окончательно, что меня подставили. Я назвал Сперaтцу лгуном, и он оскорбился. Но ему было не о чем беспокоиться. Его слово против моего, а мое тут не котировалось.

Флаггерти выпроводил Сперaтцу и вернулся, довольный, как кот, который сожрал канарейку.

– Ложь никак не улучшит вашего положения, Кейн, – сказал он. – Подумайте как следует.

– Ага, поспите на плахе, – ответил я и выпустил дым ему в лицо.

– Вот подожди, доберусь до тебя в участке, – прорычал он.

– Пока еще не добрался, – напомнил я.

Киллеано велел Флаггерти продолжать.

– Вы встречались с Херриком в казино? – спросил Флаггерти, подавив гнев.

– Совершенно верно.

– Он просил вас уехать из города?

– Он посоветовал мне уехать из города, – поправил я.

– И что же вы ответили?

– Я сказал, что пока поболтаюсь здесь.

– Вы сказали ему, чтобы он проваливал к черту, вы сказали, что, если он не перестанет совать свой нос в ваши дела, вы с ним разберетесь.

– Бредятина, – сказал я.

Флаггерти вызвал бармена из казино, который заявил, что я угрожал Херрику.

– Он сказал: «Не суй свой нос в мои дела, а не то я его тебе в глотку вобью», – сообщил бармен Флаггерти.

Тот поглядел печально и ошеломленно.

– Сколько тебе заплатили, чтобы ты процитировал этот отрывок? – поинтересовался я.

– Бросьте, Кейн, – отрезал Флаггерти. Он повернулся к бармену. – Ладно, пока все. Ваши показания понадобятся в суде.

Бармен вышел, качая головой.

– Потом вы вернулись в отель с этой женщиной, – продолжал Флаггерти, указывая на мисс Уандерли, которую успели привести. При свете дня она смотрелась неуместно в своем синем крепе. И выглядела несчастной. Я подмигнул ей, но она не заметила. – Вы пили вдвоем. Она отключилась, а вам не давал покоя Херрик. Вы решили, что он может представлять опасность, может нарушить ваши планы, и это выводило вас из себя. Тогда вы позвонили ему и попросили зайти, потому что решили, что сможете его припугнуть.

– Не валяйте дурака, – сказал я. – Отключился как раз я. Спросите эту крошку. Она вам расскажет. Лучше возьмите в соседней комнате бутылку с бренди – в ней полным-полно снотворного.

– Что за бренди? – заинтересовался Флаггерти.

Один из копов отправился в спальню и через пару секунд вернулся обратно.

– Нет там никакого бренди, – доложил он.

– Этого следовало ожидать, – сказал я, пожав плечами. – Ну так спросите же ее. Она вам расскажет.

– Незачем мне ее спрашивать! – прорычал Флаггерти. – Гостиничный коммутатор зафиксировал звонок, сделанный вами около двух часов ночи. Мы отследили звонок – на домашний номер Херрика. Через десять минут после звонка Херрик приехал в отель. Он спросил у ночного портье, в каком вы номере, и коридорный проводил его сюда. Что скажете на это?

– Очень ловко, – сказал я.

– Вы с Херриком говорили. Вы были пьяны и озлоблены. Вы ведь убийца, Кейн. Вы убиваете, не раздумывая. Вы как бешеная собака! Херрик вас не испугался, и поэтому вы застрелили его. И вы были пьяны настолько, что позабыли об этом в ту же секунду. И вот что я вам скажу. Вам не терпелось оказаться в постели с этой шалавой. Она ведь дожидалась вас в постели, верно?

Я рассмеялся ему в лицо:

– Спросите ее. Она мой свидетель. – Я взглянул на мисс Уандерли. – Слушай, детка, вчера вечером ты сказала, что ты на моей стороне. Так вот тебе возможность это доказать. Ты единственная, кто может пролить свет на это дело. Надеюсь на тебя. Я тут крепко влип. И ничего не могу поделать. Но если тебе хватит духу, ты скажешь правду и вытащишь меня. Нам классно было вместе. Нам еще может быть классно вместе. Только ты должна быть за меня. Так скажи им.

– Подождите, – сказал Киллеано, поднимаясь на ноги.

На его лице читалась смесь подозрительности и сомнительного дружелюбия. Он пытался изобразить, что, несмотря на его желание мне помочь, он понемногу убеждается, что я кругом виноват. Сыграно было недурно. Он пересек комнату и остановился перед мисс Уандерли.

– Ваше слово в суде не будет иметь особого веса. Вы тоже под подозрением. Если Кейн не убивал Херрика, тогда его убили вы. И я объясню почему. Дверь-то была заперта изнутри! Так что не лгите. Может, Кейн вам симпатичен, но правду сказать придется, поэтому ложь в вашем положении просто непозволительна.

Тут я понял, что они предусмотрели все. Если мисс Уандерли подтвердит, что я отключился, тогда они повесят убийство на нее. Им плевать – лишь бы повесить его на кого-нибудь.

– Ладно, детка, – сказал я. – Лги, если хочешь. Он прав. Они нас перехитрили.

– Ничего не буду говорить, – сказала она и расплакалась.

Вот это было как раз по части Флаггерти. Он схватил ее за плечо и сдернул со стула.

– Ты будешь у меня говорить, шлюшка! – проорал он и встряхнул ее так, что у нее запрокинулась голова.

Я вскочил с места и добрался до него раньше, чем оба копа успели шевельнуться.

Развернув его к себе, я врезал ему в челюсть. Отличный получился удар, я ощутил, как костяшки пальцев сосчитали ему зубы. Он отшатнулся, сплюнув кровь. Прямо бальзам на сердце.

Потом копы набросились на меня, один из них дал мне по голове дубинкой.

Когда я очухался, Флаггерти уже сидел. На голове у меня вспухла шишка, зато он лишился двух зубов.

Киллеано призвал нас к порядку.

Понемногу все успокоилось, однако Флаггерти недостаточно оклемался, чтобы продолжать дознание. Киллеано взял это на себя. Он встал перед мисс Уандерли, широко расставив свои короткие ноги.

– Вы будете сидеть под арестом, пока не расскажете нам, что случилось, – пригрозил он.

– Да какая теперь разница? – спросил я, потирая ушиб. – Зачем такие сложности? Скажи им, что ты отключилась и ничего не знаешь. У них все равно есть все свидетели, какие им нужны.

Один из копов шлепнул меня по губам.

– Заглохни, – велел он.

– Это тебе еще отольется, – пообещал я, и он отодвинулся под моим взглядом.

Мисс Уандерли поглядела на Киллеано, затем на меня. Она была бледна, но в глазах у нее горел огонек, даривший мне надежду.

– Он этого не делал, – сказала она. – Все было инсценировано. Мне плевать, что со мной будет. Он этого не делал! Слышите? Он не виноват!

Киллеано смотрел на нее так, словно не верил собственным ушам. Его жирная физиономия пожелтела от злости.

– Ах ты, сука! – заорал он и дал ей пощечину.

Один из копов сунул свою дубинку мне под подбородок и потянул на себя. Двигаться я не мог – я даже дышать не мог.

Флаггерти с Киллеано просто стояли, глядя на мисс Уандерли. Она держалась за покрасневшую щеку и смотрела на них.

– Он этого не делал! – повторила она с яростью. – Оставьте себе свои поганые деньги. Можете меня убить. Но я не стану его оговаривать!

Я сипло выразил свое одобрение.

Киллеано развернулся к Флаггерти.

– Арестуйте их, – приказал он тонким, надтреснутым голосом. – Она пойдет соучастницей. И как следует обработайте обоих. – Он посмотрел на мисс Уандерли. – Ты об этом еще пожалеешь, – сказал он, пересек комнату, открыл дверь и вышел, тихо затворив ее за собой.

8

– Пусть этот гад оденется, – сказал Флаггерти, – присмотрите за ним.

Оба копа и два фараона в штатском отконвоировали меня в ванную.

– Что, оттянемся по полной, когда доставим тебя в управление? – проговорил один из фараонов в штатском.

Крупный парень с красным грубым лицом и жесткими зелеными глазами, по фамилии Хайамс. Второй фараон, очень тощий, явно страдал несварением. У него были длинный красный нос и такие оттопыренные уши, что он напоминал такси с распахнутыми дверцами. Его называли Солли.

– Надеюсь, мне тоже будет весело, – отозвался я, улыбаясь ему.

Полицейский, ударивший меня раньше, ткнул мне в ребра дубинкой.

– Одевайся, умник, – сказал он. – Я тоже из тех, кто займется тобой.

Я натянул одежду. Они прощупывали каждую тряпку, прежде чем дать ее мне. Не оставили мне ни шанса.

Солли сказал:

– Надеюсь, Флаггерти даст нам поработать с красоткой.

– С ней он поработает сам, – сказал Хайамс. – Но я бы посмотрел.

– Какой облом! – воскликнул Солли, облизнув губы. – Только подумать, разобрать на части такую куколку.

– Угу, причем на законных основаниях, – отозвался Хайамс.

Они ухмыльнулись друг другу.

Я завязал галстук и надел пиджак. Если не предпринять что-нибудь прямо сейчас, потом будет поздно. Когда нас увезут в управление, нам придется туго. Судя по виду этих молодчиков, жизнь в Бельзене[5] показалась бы летним пикником по сравнению с тем, что они готовили нам.

– Двигай, скотина, – сказал Хайамс, – и вот еще что: если начнешь выпендриваться, мы сначала стреляем, потом извиняемся. Нам не хочется тебя убивать раньше, чем удастся с тобой поработать, но придется, если ты что-нибудь выкинешь.

– Да я и не думал, – сказал я. – Я до сих пор только читал о допросе с пристрастием. Хочется и попробовать.

– Попробуешь, – пообещал Солли, скосив на меня глаза.

Мы вошли в гостиную. Мисс Уандерли сидела в кресле, у нее за спиной стояла толстая надзирательница.

Флаггерти ухмыльнулся мне. Выглядел он омерзительно. Двух зубов-то у него не хватало, и губы распухли.

– Пять человек за четыре месяца, – сказал он, остановившись передо мной. – Киллер, значит? Ну-ну, узнаешь, что мы делаем с киллерами. У тебя две недели, прежде чем предстанешь перед судом. А это означает две недели ада для тебя, мистер Киллер Кейн.

– Не драматизируй, болтун, – посоветовал я.

Большой коп, ирландец, который ударил меня раньше, со всей дури заехал мне дубинкой по спине. Я начал падать вперед, но меня остановил удар в челюсть от Флаггерти. Оба удара вышли смачными, и я шлепнулся на четвереньки.

Флаггерти добавил мне ботинком. Голову я успел прикрыть, но тяжелый носок башмака вошел в щеку.

– Мы же не хотим тащить бесчувственное тело, – забеспокоился Хайам.

Флаггерти отошел.

---

[5] *Берген-Бельзен* – концентрационный нацистский лагерь в Нижней Саксонии.

– Вставай, – прорычал он.

Я лежал рядом с телом Херрика, накрытым одеялом, и делал вид, что лишился сознания. Глаза я прикрыл рукой, чтобы они не заметили, куда я смотрю: из-под одеяла выглядывал краешек моего «люгера». Они забыли его подобрать, а когда Херрика накрывали, то накрыли и пистолет.

Флаггерти заорал на меня:

– Вставай, паршивец, а не то я тебе еще наподдам!

– Уже встаю, – сказал я, медленно поднимаясь на одно колено. Двигался я так, будто уже был при смерти.

Заляпанная кровью рукоять пистолета находилась в шести футах от меня. Я пытался вспомнить, не держал ли кто из копов оружие в руках. Кажется, нет. Они были слишком самоуверенными, зная, что я безоружен.

Флаггерти пнул меня.

Я повалился поверх Херрика. Было странно ощущать под собой мертвое тело, уже окоченевшее. Моя рука сомкнулась на скользкой от крови рукояти пистолета, мне было не до брезгливости.

Я поднялся.

Рожа Флаггерти позеленела, когда он увидел «люгер». Остальные обратились в восковые фигуры.

– Привет, – сказал я. – Помните меня?

Я не стал наставлять на них пистолет. Я просто держал его, отступая к стене, чтобы видеть всех, кто был в комнате.

– Ну так как, продолжим? – сказал я, улыбаясь. – Мы же собирались в управление, чтобы резвиться и веселиться.

Они не двигались и ничего не говорили.

Я поглядел на мисс Уандерли. Она сидела на краешке кресла с округлившимися от изумления глазами.

– Да это просто девчонки, решившие поиграть в крутых парней, – сказал я, обращаясь к ней. – Пойдешь со мной, крошка?

Она встала и подошла ко мне. Коленки у нее подгибались, и я обнял ее за талию.

– Ты мне не поможешь? – попросил я, привлекая ее к себе.

– Помогу, – ответила она.

– Ступай в спальню, уложи мои вещи в сумку. Бери только самое ценное, остальное брось, и поторопись.

Она прошла мимо восковых фигур, не взглянув на них, и скрылась в спальне.

– Парни, кто-нибудь из вас знает, с какой скоростью я спускаю курок? – бодро поинтересовался я. – Если хотите узнать, только дайте мне повод. – И я сунул пистолет за пояс брюк.

Никто из них не шелохнулся. Их было восемь плюс толстая надзирательница. Все были слишком напуганы, чтобы хотя бы моргнуть.

Я закурил сигарету и выпустил дым в рожу Флаггерти.

– Вы, парни, уже повеселились, – сказал я, – теперь моя очередь. Я приехал сюда в отпуск. Я всего-то и хотел хорошо провести время и покутить. Но вы возомнили себя такими умниками. Вы хотели убить Херрика, потому что он стоял у вас на пути, вы выбрали меня козлом отпущения, и у вас почти получилось. Если бы вы не были такими тупицами, у вас бы все выгорело. Вы убили Херрика, но не убили меня, и вам еще предстоит убедиться, что меня убить потруднее, чем Херрика. Я выясню, с чего это вы решили убрать Херрика, а потом завершу его дело. Я останусь здесь, пока не разнесу этот город на куски и не выясню, как тут все устроено. Я останусь здесь, пока не выведу на чистую воду вашу администрацию – помешайте мне, если

сможете. Терпеть не могу, когда на меня наседает кучка провинциальных головорезов. Это задевает мою гордость.

Они по-прежнему хранили молчание.

Я поманил к себе копа-ирландца.

– Ты мне нужен, брат, – сказал я.

Он двинулся ко мне так, словно ступал по яичной скорлупе, и руки держал над головой.

Я подождал, пока он будет в шести футах от меня, и тогда сделал резкий выпад и расквасил ему нос. Он отшатнулся, упал на Флаггерти, и они оба оказались на полу.

И остались там сидеть. У копа из носа текла кровь.

Мисс Уандерли вышла из спальни с одной из моих сумок.

– Подожди у двери, сладкая, – сказал я.

Я подошел к окну, отдернул занавеску и взял спрятанную там коробку из-под сигар. В коробке лежало восемнадцать кусков: деньги на отпуск.

Никто в комнате по-прежнему не шевелился, хотя я и не думал следить за ними. Наверное, слава обо мне гремела в Парадиз-Палмз или же они перепугались до чертиков.

– Уходим, – скомандовал я мисс Уандерли.

Она открыла дверь.

– Пока, – сказал я Флаггерти. – Попробуй меня остановить, если хочешь. Жду с нетерпением, когда вы заставите меня ввязаться в драку, но первым я не стреляю. – Я подмигнул ему. – Ну, будь здоров.

Он сидел на полу и глядел на меня с ненавистью, однако ничего не говорил.

Я взял мисс Уандерли за руку, и мы пошли к лифту.

Дверцы кабины распахнулись буквально через пару секунд, как только я нажал на кнопку.

– Вам вниз, сэр? – спросил лифтер. Тот самый парень, который клятвенно заверял, что проводил Херрика ко мне в номер.

Я выдернул его из кабины и врезал промеж глаз. Он упал и остался лежать, тихий как мышка.

Я толкнул мисс Уандерли в лифт и шагнул следом.

– Вниз, – сказал я, подмигнув неподвижному лифтеру, и закрыл дверцы кабины.

Глава вторая
Жара

1

– Они знают, где ты живешь? – спросил я мисс Уандерли, выгоняя «бьюик» из гостиничного гаража.

Она покачала головой.

– Точно?

– Да. Я пару дней назад перебралась на другую квартиру. Пока никто не знает.

– Заедем туда, возьмешь вещи, – сказал я. – Куда ехать?

Она стиснула мою руку:

– Нет. Уедем из города. Я боюсь.

– У нас еще есть время, – сказал я. – И тебе не нужно бояться. Они нас не достанут, если мы будем думать головой. Так где ты живешь?

– На углу Эссекс-стрит и Веселой Долины.

Я кивнул:

– Знаю это место. Проезжал мимо.

Я вел «бьюик», не отрывая взгляда от зеркала заднего вида.

За нами никто не гнался – пока.

– Нам с тобой о многом нужно поговорить, – произнес я как будто между прочим. – Спасибо, что приняла мою сторону.

Она задрожала:

– Они не найдут нас?

– Они и собственный нос не найдут, – заявил я, хотя на самом деле вовсе не был настолько оптимистичен.

Я думал, записали ли в отеле номер моей машины и сколько времени пройдет, пока швейцар сообщит его Флаггерти. Я соображал, где же, черт возьми, нам отсидеться, или лучше сразу рвануть прочь из города. Мне не хотелось уезжать слишком далеко, потому что я твердо вознамерился добраться до Киллеано. Мне необходимо оставаться поблизости, если я собираюсь испортить ему жизнь, а я еще как собирался.

– Послушай, милая, – сказал я успокаивающим тоном, – я хочу, чтобы ты как следует подумала. Нет ли в городе или же поблизости, места, где мы могли бы чувствовать себя в относительной безопасности?

Она развернулась ко мне.

– Мы уезжаем отсюда, – выпалила она. – Ты не представляешь, что они со мной сделают, если поймают.

Я похлопал ее по руке и едва не въехал в бампер какой-то машины, внезапно вывернувшей из-за грузовика. Мы с водителем беззлобно обругали друг друга.

– Успокойся, – сказал я мисс Уандерли. – Никто тебя хватать не будет. Но полиция о нас уже знает, они перекроют все шоссе на выезд из города. Далеко мы не уедем, их рации работают против нас. Нам придется отсидеться где-нибудь, пока шумиха не затихнет. Вот тогда мы выберем подходящую ночь и смоемся.

– Лучше уехать сейчас, – сказала она, сжимая кулачки.

– Все будет хорошо, но ты должна подумать. Нам необходимо надежное убежище дня на три-четыре. Так что думай, думай как следует.

Пока я говорил, мы доехали до угла Эссекс-стрит и Веселой Долины. Я промчался по Эссекс-стрит и высадил мисс Уандерли перед обшарпанным многоквартирным домом.

– Пошли, – сказал я, хватая сигарную коробку, – и пошустрее.

Мы взбежали по деревянным ступеням на верхний этаж, она впустила меня в большую комнату, окна которой выходили на улицу. Она собиралась так, словно дьявол подгонял ее вилами. Мисс Уандерли явно знала, что делает, и я просто отступил в сторонку, чтобы не путаться под ногами. Спустя три минуты она уже стояла с чемоданом, набитым вещами, которые она похватала из шкафа и комода.

– Класс, – сказал я, забирая у нее чемодан. – А теперь смываемся.

Подойдя к лестнице, я остановился. Мисс Уандерли вцепилась в мою руку, глядя округлившимися глазами.

– Что там? – шепотом спросила она.

Я жестом велел ей молчать и прислушался. По радио передавали полицейскую сводку. Просили жителей Парадиз-Палмз сообщать о нас.

– Как тебе нравится быть «блондинкой-убийцей»? – спросил я, улыбаясь.

Она протиснулась мимо меня и торопливо побежала вниз. На нижней площадке лестницы она остановилась. Из какой-то комнаты вышел коренастый мужчина без пиджака. Он замер и разинул рот, увидев ее.

– Эй, ты, – сказал он, делая шаг в ее сторону. – Не торопись. Тебя разыскивает полиция!

Мисс Уандерли испуганно вскрикнула, развернулась и попыталась взбежать обратно по лестнице, но он протянул руку и перехватил ее.

– Меня полиция тоже разыскивает, – сообщил я, неторопливо шагая вниз.

Он выпустил мисс Уандерли так быстро, как будто она укусила его. Отступил назад, и лицо у него стало пепельно-серым.

– Я ничего об этом не знаю, мистер, – вякнул он сипло.

Я улыбнулся ему.

– А по виду так и не скажешь, – заметил я, опуская на пол чемодан мисс Уандерли. – Где у тебя телефон, приятель?

Он указал на комнату, из которой только что появился. Я мотнул головой, приказывая ему войти, и последовал за ним. Мисс Уандерли стояла, вжавшись в стену. Она выглядела не так эффектно, как в тот раз, когда вжималась в стену гостиничного номера, – просто сейчас она была в одежде. А это большая разница.

Комната оказалась просторной и неряшливой. Окна были закрыты ставнями от солнца.

Какая-то старуха прижимала к уху телефонную трубку. Увидев меня, она охнула и выронила ее. Трубка с негромким стуком упала на стол. Старуха тяжело откинулась на спинку кресла-качалки и закрыла лицо фартуком. Я подумал, что в такой позе она выглядит весьма глупо, но, видимо, ей так было спокойнее.

Я взял телефон и как следует дернул. Шнур выскочил из стены, и я швырнул аппарат об пол.

– Теперь ты не сможешь никому рассказать того, чего не знаешь, – сообщил я, подмигнув хозяину. – Приятное разнообразие.

Он дергался, и трясся, и сильно потел. Похоже, я его напугал.

Я оставил их, притихших и съежившихся, и вернулся к мисс Уандерли. Кажется, она тоже была напугана. Проклятье! Я и сам был напуган.

Мы сбежали по ступеням, и я затолкнул ее чемодан в багажник. Мы вскочили в машину, и я рванул с Эссекс-стрит стремительно, словно кот с раскаленной плиты.

– Ты уже подумала об убежище, милая? – спросил я, когда мы катили по Оушен-драйв.

Она покачала головой:

– Нет.

– В таком случае сосредоточься, а не то нам придется туго.

Она стукнула кулачками друг о друга и разрыдалась. Да, напугана она была будь здоров.

Я окинул взглядом залив. Переливающиеся воды Атлантики то и дело меняли оттенок, над головой проплывали облака. Разбросанные вдоль берега зеленые острова сверкали, словно изумруды на лазурном полотнище. На далеком горизонте Гольфстрим чертил полосу цвета индиго, над которой то тут, то там поднимались серые дымки́ проходящих судов.

– А эти острова? – спросил я, сбрасывая скорость. – Ничего о них не знаешь?

Она села прямо, и слезы ее высохли, словно по волшебству.

– Ну конечно, это и есть нужное место, – сказала она. – Кудко-Ки. Слева от остальных островов, он совсем маленький. Я знаю там один домишко. Видела случайно, когда каталась по островам.

– Отлично, – сказал я. – Если ехать, то туда.

Я понятия не имел, где мы находимся, но, поскольку ехали мы как раз в сторону островов, это меня не волновало. Мы миновали пляж Дейден-Бич, и я бросил взгляд на спасательный плот. Кажется, прошла вечность с тех пор, как мы сидели там вдвоем. Мы ехали дальше, и спустя какое-то время я увидел впереди причал. У меня родилась одна мысль:

– Поменяем эту машину на катер.

– Как я рада, что ты со мной, – сказала она.

Слова эти были сказаны от души.

Я похлопал ее по коленке. Коленка была красивая, и мисс Уандерли не стала отодвигаться, поэтому я не стал убирать руку.

Я затормозил у причала и вышел. Убедился, что пистолет под рукой, что другая рука крепко сжимает коробку из-под сигар. Эту вещь я никак не собирался терять. Мы огляделись. Вдоль причала покачивалось немало прогулочных катеров, но все они были недостаточно быстроходными для меня. Мне хотелось что-нибудь такое, чтобы оторваться от полицейских, если дело дойдет до погони.

Спустя какое-то время я увидел именно то, что искал. Идеально оснащенное судно тридцати футов в длину: красное дерево, сталь и надраенная латунь. Катер производил впечатление очень быстроходного.

– Вот он, – сказал я мисс Уандерли.

Пока мы глазели, из домика у кромки воды выкатился невысокий толстяк и заспешил к катеру. Он кинул на нас неприветливый взгляд, затем ступил на борт.

– Эй! – окликнул я.

Он посмотрел на меня и вернулся на причал. Его лицо было загорелым до черноты, а волосы выгорели до соломенного цвета – он выглядел суровым и жестким, но хорошим парнем.

– Вы ко мне? – спросил он, оглядывая нас, а потом широко улыбнулся. – Ну ничего себе!

Я втянул голову в плечи и широко улыбнулся в ответ.

– Не к вам – к вашей лодке, – уточнил я.

– Честер Кейн, бог ты мой! – продолжал парень. Он сознательно старался не размахивать руками и не делать резких движений, но напуганным не выглядел.

– Точно, – признался я.

– Ничего не имею против, – сказал он. – По радио только об этом и болтают последние полчаса. Весь город знает, что вы в бегах. – Он поглядел на мисс Уандерли. Она явно произвела на него впечатление, потому что он вытянул губы трубочкой, беззвучно присвистнув. – Значит, вам нужен мой катер?

– Хорошо бы, – сказал я. – Я очень спешу, но не собираюсь вас грабить. Возьмете на обмен мой «бьюик» и тысячу сверху?

Его глаза широко раскрылись.

– А я получу катер назад?

– Конечно, если его не потопят.

– Потопить мое судно? Да они его и не увидят.

Его оптимизм воодушевлял.

– Неужели настолько быстрое?

– Самое быстрое на побережье. Судьба улыбнулась вам, направив ко мне.

– Похоже на то. Так вы согласны на сделку?

Он усмехнулся:

– Не то чтобы я от этого в восторге, но соглашусь. Все равно мне никогда не нравился этот старый черт Херрик.

– А это точно ваш катер? – уточнил я.

– Точно. А я Тим Дюваль. Я хожу на нем ловить тунца и не только. Вот выберетесь из этой переделки, покатаю вас. Вам понравится. – Он подмигнул. – Мне бы очень хотелось получить катер назад, но вы можете пользоваться им столько, сколько пожелаете. Он заправлен под завязку и готов выйти в море. Сможете добраться хоть до Кубы, если понадобится.

Мисс Уандерли уже забрала из машины оба чемодана и направлялась к нам. Эта девушка не боялась тяжелой работы. Она так забавно смотрелась в своем синем крепе – как будто надела карнавальный костюм, и он так подчеркивал ее фигуру. Дюваль не мог отвести от нее взгляд. Я и сам не мог.

Мы забросили чемоданы на борт, и она скрылась в кокпите.

– Посиди пока в каюте, милая, – крикнул я вслед. – Так безопаснее.

Я не хотел, чтобы ее кто-нибудь заметил, пока катер будет идти вдоль длинного причала.

Она вошла в каюту и закрыла дверь.

– Может, мне пойти с вами? – с надеждой спросил Дюваль.

Я мотнул головой:

– Не стоит.

Он пожал плечами.

– Ладно, – сказал он. – Я бы тоже предпочел путешествовать с ней наедине. Хороша, а?

– Ага, – согласился я, отдавая ему ключи от «бьюика».

– С этим судном у вас не будет хлопот. Оно легко управляется, – заверил он, забирая ключи. – А я присмотрю за вашей колымагой.

– Да-да, присмотрите, – сказал я.

– Не сомневайтесь.

Я шагнул на палубу и завел двигатель.

Дюваль отвязал катер.

– Мне кажется, и Флаггерти козел, – сказал он.

Я понял, что он не собирается закладывать нас, как только мы отчалим.

– Мне тоже, – согласился я.

Я повернул штурвал и повел катер по узкому проливу на выход в большой залив.

Судно шло ровно и замечательно легко. Уже скоро я обогнул волнорез и вышел в залив. Я обернулся на причал.

Дюваль махал нам вслед. Я махнул ему в ответ. А потом добавил скорости, и катер с ревом рванул вперед, взбивая воду в кремово-белую пену.

2

Кудко-Ки оказался крошечным островком в пяти милях от главной цепи островов, вытянувшейся напротив города Палм-Бей. Пляж с ослепительно-белым песком, кокосовые пальмы, белые орхидеи с бледными цветками, пронизанными нежными зеленоватыми жилками, и деревья альбиции с длинными изящными стручками, семена в которых монотонно шуршали от малейшего ветерка… Дальше по берегу, уходя вглубь острова, раскинулись мангровые заросли и платановые рощи. Тонкие струйки дыма висели в воздухе над тем местом, где мангровые деревья пережигали на уголь.

Я загнал катер в самое сердце мангровых зарослей, уверенный, что с моря его никто не заметит.

Мы оставили багаж на борту и отправились в центр островка искать хижину.

Мисс Уандерли переоделась в бутылочно-зеленые брюки, топ на тонких бретельках и повязала голову оранжевым шарфиком, чтобы локоны не мешали. Выглядела она мило и привлекательно.

На острове было жарко, я разделся до майки и брюк, но все равно обливался потом.

Мы старались держаться чащи. Мисс Уандерли сказала, что на острове живут ловцы устриц, человек двадцать, но мы не встретили ни одного.

Когда мы нашли хижину, я удивился, как никогда в жизни. Отсюда не только открывался вид на Палм-Бич и Парадиз-Палмз вдалеке, но это была никакая не хижина. Это был дом, который смог бы выдержать ураган, его в качестве эксперимента несколько лет назад построил Красный Крест, в надежде сократить убытки от стихийных бедствий.

Такие дома, способные противостоять ураганам, были похожи на маленькие крепости. Они строились из железобетона, стальные штыри накрепко связывали дом со скальной породой. Крыша, пол и стены в фут толщиной были бетонными. Все внутренние перегородки в доме шли от крыши до скального основания. Оконные переплеты стальные, стекла двойные, как и ставни. Деревянными были только двери из трехслойных кипарисовых досок. Водосточные трубы с крыши были заведены в емкость, вырубленную в скальной породе под домом, для обеспечения водой в экстренных случаях.

Дом стоял на дальней оконечности острова, и благодаря такому расположению до ближайшего жилья от него было не меньше двух миль. Эксперимент оказался удачным, но сейчас в доме никто не жил. Полагаю, ловцы устриц предпочитали свои деревянные лачуги, за которые никто не спрашивал высокой платы.

– Это и есть твой домишко? – уточнил я, оглядывая строение. – Ничего себе.

Мисс Уандерли сцепила руки за спиной и привстала на цыпочки. Дом привел ее в восхищение.

– Тогда я видела его лишь мельком, с катера, – пояснила она. – Мне сказали, что здесь никто не живет. Я и не думала, что он настолько хорош.

– Давай войдем и посмотрим, – предложил я.

Это оказалось непросто, и в конце концов мне пришлось стрелять в замок парадной двери. Внутри было грязно и в придачу жарко, как в духовке, но, когда мы распахнули все окна, стало получше.

– Здесь можно устроиться вполне удобно, – сказал я, – и здесь безопасно. Давай осмотримся.

Я обнаружил небольшой причал, построенный в одно время с домом. Мангровые деревья успели разрастись и теперь почти полностью скрывали его. Я и нашел его только потому, что едва не свалился с настила, скрытого палой листвой.

– Потрясающе, – подытожил я, когда разгреб листья. – Мы перегоним сюда катер. Пошли скорее.

Когда я огибал остров, на восточном берегу острова обнаружилась деревня. Три или четыре двухмачтовые яхты покачивались у волнореза, и я насчитал примерно с дюжину деревянных домишек и еще одно большое деревянное строение, похожее на магазин.

– Посиди в каюте, – велел я мисс Уандерли. – Я закуплю кой-чего.

На волнорезе стояли несколько мужчин, когда я подвел катер к причальному кольцу. Один из них, крупный парень, босой и раздетый до пояса, выступил вперед и поймал брошенный мною конец.

Он понаблюдал, как я выбираюсь на волнорез, затем посмотрел на катер и переглянулся с остальными.

– Это катер Тима, – сказал великан, вытирая руки о грязные штаны из белой парусины.

– Ага, – подтвердил я и, на случай если они примут меня за вора, добавил: – Я взял его у Тима напрокат. Хочу порыбачить в свое удовольствие.

– Отличное судно, – сказал великан.

– Точно, – согласился я.

Я надежно затянул веревку, чувствуя, что с меня не спускают глаз, а потом вразвалочку двинулся в сторону магазина, надеясь, что никто не затеет ссоры. Никто не проронил ни слова.

Хозяин магазина сказал, что его зовут Мак. Я представился как Рейли. Мак был маленьким и морщинистым, с живыми птичьими глазами. Мне он понравился. А когда я начал набирать товары, я понравился ему. Я накупил кучу всего.

Мы подрядили несколько зевак, включая того великана, нести все на борт. Мак тоже пошел, но ничего нести не стал.

– Лодка Дюваля, – проговорил он, подойдя к волнорезу.

– Похоже, он тут популярен, – заметил я.

– Конечно, – сказал Мак, широко улыбаясь.

Я закурил сигарету и предложил ему.

– Как здесь спокойно, – сказал я, окидывая взглядом пустынный пляж.

– Точно, – согласился Мак. – Никто нас тут не тревожит. Мы сами справляемся.

– Представляю себе, – сказал я.

– Вроде в Парадиз-Палмз что-то случилось, – проговорил он после паузы. – Политическое убийство. По радио только об этом и передают.

– Я тоже слышал, – сказал я.

– Наверное, это не наше дело.

Я не понял, намекает ли он на что-то.

– Ты один? – продолжал он, поглядывая на катер.

– Да, – подтвердил я.

Он кивнул, потом сплюнул в море.

– Просто подумал, может, ты взял с собой жену.

– А я не женат, – сказал я.

– Ну, не всем же жениться.

Великан сошел с палубы и приблизился к нам. Он обливался потом.

– Всё доставили, – сказал он и прибавил: – Каюта заперта.

– Угу, – подтвердил я.

Мак с великаном переглянулись. Подозреваю, они усиленно думали.

Я дал великану пятерку. Он посмотрел так, словно я дал ему сто долларов. Он даже разволновался.

– Может, свидимся еще, – с надеждой сказал Мак. – Друг Тима – мой друг.

– Рад это слышать, – сказал я, нисколько не покривив душой.

– Думаю, Дюваль не стал бы доверять свой катер кому попало, – продолжал Мак.

– Наверное, – сказал я, подумав, что Дюваля высоко ценят на островах.

Я ступил на борт.

– Патрульные катера довольно часто сюда заглядывают, – сообщил Мак, присев на корточки и говоря мне прямо в ухо.

– И что? – Я посмотрел на него.

Он прикрыл один глаз:

– Мы с ними особо не откровенничаем.

– Отлично, – сказал я.

– Ты бы выпустил ее. В каюте наверняка настоящее пекло, – продолжил он, глядя поверх моей головы и любуясь видом.

– Угу, – буркнул я, прибавив: – Только не перемудри.

Он достал откуда-то комок жевательного табака и откусил кусок.

– Здешние копы со мной не считаются, – сказал он, усиленно жуя. – А этот Херрик вообще пытался закрыть мою лавку. Настоящая заноза. Думаю, парни даже рады, что кто-то его убрал.

Я кивнул:

– Я слышал, что он не популярен.

Я отдал швартовы и запустил мотор.

– Если вдруг понадобится, у меня и бензин есть, – прокричал мне вслед Мак.

Я помахал ему.

3

Луна, похожая на головку камамбера, висела в безоблачном небе. Пальмы раскачивались, отбрасывая длинные зловещие тени. Алые отсветы углей играли на коже мисс Уандерли. Она лежала на спине, подложив руки под голову и согнув колени. Она была в синих шортах, красной майке и сандалиях. Медового оттенка волосы были переброшены на одно плечо.

Я стоял у костра на коленях, поджаривая свиные ребрышки. Пахли и выглядели они неплохо.

Мы вымотались, зато дом был в ажуре. Я удивился тому, как мисс Уандерли рьяно взялась за уборку. Мы с ней скребли, мели и терли. Постелили в двух комнатах кокосовые циновки и затащили в одну из них постели, взятые с катера. Открутили в каюте два маленьких кресла и тоже занесли их в дом, прихватив заодно и столик. А с парой парафиновых ламп это место превратилось в настоящий дом.

В кокпите катера я обнаружил пулемет Томпсона, автоматическую винтовку и столько патронов, что хватило бы на небольшую войну. Винтовку я взял в дом, а «томпсон» оставил в кокпите. Я не знал, где ждать внезапного нападения, в доме или на судне, и решил, что разумно разделить арсенал.

На катере имелся приемник, и его мы тоже перенесли в дом.

Несмотря на жару, мы хорошо поработали днем и теперь были готовы как следует подкрепиться.

Я разложил по тарелкам свиные ребрышки с поджаренной картошкой, взял пару банок колы.

– Приступим, – сказал я, опуская тарелку на грудь мисс Уандерли. – Ешь.

Она села, переставив тарелку на парео, которое подстилала под голову, чтобы песок не набился в волосы. В лунном свете и в свете костра она смотрелась бесподобно.

– Все еще боишься? – спросил я, отрезая кусочек мяса.

Она покачала головой:

– Нет.

До сих пор мы были так заняты, что даже не думали о Киллеано и прочей шайке.

– Даже не верится, что все это было утром, правда? – сказал я. – Думаю, тебе пора кое-что мне рассказать. Как ты оказалась замешанной в этом деле?

Она ничего не отвечала. Я ее не торопил, но узнать было необходимо.

– Я была дурой, – сказала она вдруг. – Я приехала сюда, потому что мне пообещали работу и еще потому, что мне до смерти надоело отбиваться от мужиков, которые считают танцовщиц доступными женщинами. Работу вроде обещали неплохую, но наниматель оказался очередным кобелем. Он не хотел, чтобы я работала. Он хотел развлекаться со мной. Лично я представляю себе развлечения несколько иначе, и в итоге я застряла здесь, и у меня нет средств, чтобы вернуться.

– Что ж вы, девушки, ничему не учитесь? – сказал я.

– Тут появился Сперaтца. Ему нужен был человек, который занимался бы живыми цветами и цветочными гирляндами в казино. Я согласилась на эту работу.

– Вы с цветами созданы друг для друга, – сказал я.

Она кивнула:

– Все шло отлично целых восемь месяцев. Мне нравилось, деньги были неплохие. Но однажды Сперaтца вдруг вызвал меня. Он сидел в кабинете с Киллеано и Флаггерти. Они оглядели меня с головы до ног, и мне совсем не понравилось, как они перешептывались при этом. Киллеано сказал, что я гожусь, и они с Флаггерти ушли. Тогда Сперaтца велел мне сесть и предложил тысячу долларов за то, чтобы развлечь тебя. Тогда я не знала, что речь идет о тебе.

Он сказал, что ты некий важный гость, сказал, ты не должен скучать, причин мне знать не нужно и, если я выполню свою задачу, он даст мне денег и купит билет домой.

– И что ты тогда подумала?

– Я не знала, что думать. Сумма была огромная, и я очень хотела домой, но что-то в поведении Сперaтцы подсказывало, что не стоит браться за эту работу. Я спросила его, что именно нужно делать. Он сказал, что я погуляю с тобой по городу, развлеку беседой, а потом сделаю так, чтобы ты отвез меня к себе в отель. Он сказал, что я останусь с тобой в одной постели, но ты будешь под снотворным и проблем с тобой не возникнет. Главное, что я должна переночевать в твоем номере. Я решила, что кто-то собирает компромат для развода. Мне это не понравилось, и я отказалась. – Она слегка передернула плечами и перевела взгляд на залитое лунным светом море. – Он попробовал меня убедить, но чем больше говорил, тем яснее я понимала, что здесь что-то нечисто. Тогда он встал и велел мне идти за ним. Мы сели в его машину и поехали в гавань.

Она умолкла и уставилась на свои руки. Я ее не торопил, и спустя какое-то время она продолжила:

– Он завел меня в один дом на берегу. Оказавшись внутри, я сразу поняла, что это за место. Там была жуткая старуха и девушки, которые подглядывали, перевешиваясь через перила. Это было ужасно.

Я протянул ей сигарету. Пару минут она курила в молчании.

– Он пригрозил, что оставит тебя в том доме, если ты не станешь играть на его стороне. Так? – спросил я.

Она кивнула:

– Я была так напугана, что сделала бы что угодно, лишь бы выбраться оттуда.

– Это понятно, – сказал я.

– Ну вот, я сказала, что согласна, и он отвез меня обратно в казино. Сказал, они будут следить за каждым моим шагом. Они с Флаггерти постоянно будут рядом, незримо, но глаз с меня не спустят, и если я что-нибудь скажу тебе, они тебя убьют, а меня отправят в тот дом.

– Отличные ребята, – сказал я. – Что было, когда я отключился?

– Я знала, что бренди со снотворным. Им пришлось меня предупредить, чтобы я не пила. После того как ты уснул, я впустила их. Сперaтца с Флаггерти поглядели на тебя и положили в кровать. Велели мне оставаться с тобой и не уходить, пока не рассветет. Сказали, что до тех пор я должна быть в спальне. Я была так напугана, что сделала все, как велели. Я понимала, что готовится что-то ужасное. Я слышала, как они топают по гостиной, и теперь-то я знаю, что они там делали. Всю ночь я не сомкнула глаз, а потом, когда рассвело, вошла в гостиную. Ну, остальное ты знаешь.

Я пододвинулся к ней.

– Но в итоге ты все-таки их подвела, – сказал я. – Почему? Почему ты пошла на такой риск?

Она отвернулась.

– Я не могу засадить невиновного человека в тюрьму за убийство, – сказала она. – Кроме того, я же говорила, что на твоей стороне, помнишь?

– Помню, – сказал я, – но ты была в трудном положении. Я не стал бы тебя винить, если бы ты перешла на их сторону.

– Ну, я не перешла, – ответила она.

Я развернулся так, чтобы видеть ее лицо.

– Я могу в тебя влюбиться, – признался я.

Она обвила меня руками за шею и притянула к себе.

– Я уже в тебя влюбилась, – сказала она, щекоча мне шею губами. – Мне плевать. Не стану об этом молчать. Я не позволила бы им тебя засадить.

Мы провели на песке довольно много времени, и это было приятное времяпрепровождение.

– Теперь вопрос: что с тобой делать? – сказал я, когда похожая на камамбер луна перекатилась влево.

– Делать? – Она села, в глазах ее читался страх. – Что ты должен делать?

– Могу ли я оставить тебя здесь? Ты справишься тут одна?

Она вцепилась в мою руку:

– О чем ты говоришь?

– Подумай сама, детка, – сказал я. – Мне предстоит множество дел. Есть Киллеано, помнишь его? Такой жирный коротышка, похожий на Муссолини.

– Но ты же не собираешься обратно в Парадиз-Палмз?

– Еще как собираюсь, я приехал сюда только для того, чтобы устроить тебя в безопасном месте.

– Ты сумасшедший! – закричала она. – Что ты можешь сделать против целой шайки?

– Ты удивишься, – сказал я, улыбаясь ей. – Над нами висит обвинение в убийстве. Для начала я сниму обвинение. Мы не сможем жить спокойно, пока я не отыщу убийцу Херрика и не уговорю его выйти на свет.

– Но ты не можешь вернуться туда один, – возразила она с жаром.

– Я возвращаюсь один, и возвращаюсь через несколько минут, – сказал я. – И я хочу знать наверняка, что с тобой все будет в порядке, пока меня нет.

– Не будет, – быстро отозвалась она, как-то слишком быстро.

Я покачал головой:

– Наоборот, с тобой все будет хорошо. А теперь послушай. Я вернусь завтра к вечеру. Катер я возьму, а ты держись поближе к дому. У тебя есть винтовка и запас еды. Держи ушки на макушке и смотри в оба, и все будет хорошо. Если кто-нибудь явится, запрись в доме. Они не доберутся до тебя, если ты не потеряешь голову. Но никто сюда не заявится.

– А если ты не вернешься? – спросила она, и губы у нее задрожали.

– С тобой все равно все будет хорошо, – сказал я. – Я оставляю тебе семнадцать кусков. Отправишься к Маку. Он найдет способ переправить тебя в Нью-Йорк. Я загляну к нему и договорюсь.

– Нет, – сказала она, – не делай этого. Пусть никто не знает, что я здесь одна.

Это было разумно.

– Ты не имеешь права меня бросать. – Она спрятала лицо у меня на груди. – Теперь я не хочу тебя потерять. Я только что тебя нашла.

Мы продолжали препираться, но я решил твердо. Наконец она это поняла и перестала меня отговаривать. Она села, сложив руки на коленях, и лишь смотрела испуганно и печально.

– Ладно, – сказала она.

– Херрик знал что-то важное. Настолько важное, что его убили, – сказал я. – У тебя нет предположений, что это могло быть?

Она покачала головой:

– Я его почти не знала. Он регулярно заходил в казино, но я никогда с ним не разговаривала.

– У него была девушка?

Она кивнула:

– Он появлялся на людях с одной рыжеволосой певицей. Она живет на Лэнсинг-авеню, в большом доме с отделкой из черного мрамора и хромированного металла, по левой стороне, если ехать вверх по улице.

– Ты ее знаешь?

– Нет, но я слышала, что о ней говорили другие девушки. Она недобрая, я таких не люблю.

– Как ее зовут?

– Лоис Спенс.

– Ладно, может, она что-нибудь знает.

– Ты будешь осторожен? – спросила мисс Уандерли, опуская руку мне на колено.

– Не сомневайся, – заверил я. – Теперь Киллеано. О нем что-нибудь известно?

– Только то, что он важная шишка, владелец казино и глава городской администрации.

– А ты никогда не задавалась вопросом, почему это Херрик все время заглядывает в казино? Он ведь не был игроком?

– Не был.

– Ладно, хорошо, – сказал я, поднимаясь. – Может быть, мисс Спенс ответит на все вопросы. Милая, я иду одеваться.

Я вошел в дом и выбрал темно-синий льняной костюм, темно-синюю рубашку и темно-красный галстук. Я заглянул в гостиную и увидел, что мисс Уандерли дожидается меня. Она старалась казаться храброй, но было ясно, что она готова расплакаться.

Я протянул ей коробку из-под сигар.

– Береги эту вещь, детка, – сказал я. – Здесь все мое состояние, а мне пришлось изрядно попотеть, сколачивая его.

Она прижалась ко мне.

– Не уходи, – попросила она.

Я погладил ее по спине.

– Если с тобой что-нибудь случится… – начала она.

– Не случится. Проводи меня до катера.

Снаружи по-прежнему стояла жара, мангровые поленья, тлевшие в неподвижном воздухе, приятно пахли. Мисс Уандерли была такая красивая в лунном свете, что я едва не послал к черту свою задумку. Но все-таки не послал.

Я отчалил.

– Чтобы завтра вечером никакого снотворного! – крикнул я, когда катер выходил в залив.

Она помахала рукой, но ничего не ответила. Я догадался, что она плачет.

4

Вечером Парадиз-Палмз выглядел еще краше, чем днем. Я издалека увидел залитый светом купол казино, когда подводил судно к причалу. Промелькнула мысль, не ждет ли меня на берегу делегация встречающих, вооруженная автоматами.

Часы показывали половину одиннадцатого, но на причале, насколько я мог видеть издалека, было пусто. Я заглушил мотор и положил «томпсон» поближе к себе. Катер медленно подходил к причалу.

Когда до него оставалось ярдов двадцать, я увидел, как из тени проступил невысокий округлый силуэт и двинулся к краю причала. Я узнал Тима Дюваля.

Он поймал брошенный мною конец и надежно привязал.

– Привет, – сказал он, широко улыбаясь.

Я оглядел причал из конца в конец.

– Привет, – ответил я.

– Они приходили сюда пару часов назад, но я не высовывался. Моя старуха сказала им, что я отправился в круиз. Это объясняет отсутствие катера. Твою тачку они не нашли и отвалили, сунув нос во все щели. Целая толпа парней.

Я кивнул.

– Спасибо, – сказал я.

Он подтянул грязные серые штаны.

– И что теперь? – спросил он.

– У меня в городе кое-какие дела. Как там обстановка, жарко?

Он присвистнул.

– Не то слово, – сказал он, – но твое описание никуда не годится. Они утверждают, что ты красивый.

Я засмеялся:

– Отлично, тогда иду.

– Подозреваю, что такого парня, как ты, ничто не остановит. Не хочешь, чтобы я пошел с тобой?

– А тебе-то зачем в это впутываться? – удивился я.

– Да разрази меня гром, если я знаю, – сказал он, запуская толстые пальцы в выгоревшие волосы. – Может, мне осточертел этот городишко. Может, я ненавижу Киллеано. Может, просто псих.

– Я пойду один, – сказал я.

– Хорошо. Я могу чем-нибудь помочь?

– Нужна машина. Ты мне не одолжишь?

– Запросто. С виду она корыто корытом, но ездит.

– Беру.

Я курил, дожидаясь его. Из далекого казино сюда доносились звуки музыки.

Дюваль немного погодя вернулся в сером «меркьюри» с откидным верхом. Выглядела машина так, словно ее долго пинали ногами, но мотор работал отлично.

Я уселся за руль.

– Расплатиться с тобой прямо сейчас? – спросил я.

– У меня катер, твоя тачка и тысяча сверху, разве не так? – сказал он. – Что мне еще надо? Разве что самому поучаствовать.

Я помотал головой:

– В любом случае не сейчас.

Он пожал плечами. Я видел, что он разочарован.

– Ну ладно, – сказал он.

У меня родилась идея.

– Ты не знаешь кого-нибудь из городских газетчиков?

– Знаю. Джед Дэвис из «Морнинг стар». Он часто здесь бывает. Мы с ним вместе рыбачим.

– Мне бы нарыть чего-нибудь на Киллеано. Попроси Дэвиса. Пусть копает глубже. У парня вроде Киллеано должно быть полным-полно грязного белья. Мне нужно все, что найдется.

Его лицо просияло.

– Я все устрою, – пообещал он.

– Кроме того, где-то на берегу имеется бордель, я хочу знать, кто им владеет. Сператца из казино там бывает. Но мне бы хотелось понять, как именно он связан с этим местом.

– Знаю я эту дыру, – сказал он. – Ладно, выясним.

Я запустил мотор. Тут меня осенила еще одна идея.

– Дай мне свой телефон, – попросил я.

Он назвал мне номер.

– У меня могут возникнуть неприятности, – сказал я, внимательно глядя на него. – Я рискую не вернуться. Если такое случится, ты не окажешь мне одну услугу?

Он сразу все понял:

– Конечно, я позабочусь о ней. Не хочешь сказать, где она?

Мне надо было довериться кому-то. Я решил, что могу довериться ему.

– Кудко-Ки, – сказал я.

Он кивнул:

– Ага, хорошее место. Там Мак.

– Знаю, он хороший парень.

– Черт! Да мы все хорошие парни. Я о ней позабочусь.

– Мне нравится эта девушка, – проговорил я медленно. – Если с ней что-нибудь случится… – Я смерил его холодным взглядом.

Он кивнул.

– Я позабочусь о ней, – повторил он.

Я поблагодарил его и уехал.

5

Лэнсинг-авеню располагалась в фешенебельном районе Парадиз-Палмз. Широкая улица, усаженная по обеим сторонам ровными рядами королевских пальм, похожих на кегли.

Я без труда обнаружил дом с отделкой из черного мрамора и хромированного металла. К парадному входу вела полукруглая подъездная дорожка, и он был освещен множеством огней. В целом сооружение напоминало неуместную в это время года рождественскую елку.

Я свернул на подъездную дорожку. Меня едва не смел с нее большой яркий автомобиль с откидным верхом, прошуршавший мимо не громче снежинки по стеклу. Он притормозил перед входом, из него вышли и скрылись в фойе три сногсшибательные мадам: сигаретки, брови вразлет, норковые горжетки.

В своем «меркьюри» я ощущал себя бедным родственником, явившимся на поклон к богачам.

Я припарковался за лимузином и тоже вошел в дом.

Фойе оказалось размером с ледовый каток, только уютнее. Здесь имелись стойка администратора, справочное бюро, цветочная лавка, киоск с сигаретами и каморка швейцара. Все было шикарно; ворс ковра доходил до щиколоток.

Я огляделся.

Три сногсшибательные мадам направились к лифтам. Одна из них обеими руками принялась поправлять пояс с подвязками, поглядывая на меня. Она была слишком уж бойкая, такие вызывают у меня всего лишь сдержанное любопытство. Дамочка из числа тех, что все кишки у тебя вырвут, причем без наркоза. Я направился к каморке швейцара. Это был пожилой печальный человек в зеленой униформе. Судя по его виду, в жизни у него было очень мало радостей.

Я всунулся в окошко на двери его каморки.

– Привет, отец, – сказал я.

Он поднял голову и кивнул:

– Слушаю, сэр.

– Мисс Спенс. Мисс Лоис Спенс. Здесь живет?

Он снова кивнул:

– Квартира четыреста шестьдесят шесть, сэр. Поднимайтесь на правом лифте.

– Она у себя?

– Да, сэр.

– Это прекрасно, – сказал я и закурил.

Он смотрел на меня с недоумением, однако был слишком хорошо вышколен, чтобы спросить, почему я не поднимаюсь. Я же просто выжидал.

– Слушай, отец, как насчет подзаработать? – поинтересовался я небрежно.

Он заморгал.

– Никогда не отказываюсь, – сказал он.

– Что, туго тут приходится? – продолжал я, многозначительно окинув взглядом фойе. – Все сливки для клиентов, а персоналу помои?

Он кивнул.

– Считается, что мы должны получать чаевые, сэр, – горько пояснил он. – Но все здесь такие жмоты, снега зимой не выпросишь.

Я достал пятерку и аккуратно сложил ее. Он смотрел на нее так, как я смотрел бы на Дороти Ламур[6].

---

[6] *Дороти Ламур* (1914–1996) – американская актриса, певица и радиоведущая. В годы Второй мировой войны была в

– Меня интересует мисс Спенс, – сказал я. – Знаешь что-нибудь о ней?

Он тревожно огляделся по сторонам.

– Вы бы деньгами не размахивали, сэр, заметит кто-нибудь, – взмолился он. – Я не хочу потерять место.

Я спрятал бумажку в кулаке, но кончик оставил, чтобы он не забыл, как она выглядит.

– Так мы говорим или как? – поинтересовался я любезно.

– Да, сэр, я ее знаю, – сказал он. – Она живет здесь три года, за такое время все-таки немного узнаешь человека. – Он произнес это так, словно ненавидел ее до мозга костей.

– Она добра к тебе?

– Могло быть и хуже, сэр, – сказал он, пожав плечами.

– Ты хочешь сказать, что она хотя бы не бьет тебя ногой по лицу, потому что не дотягивается?

Он кивнул.

– Чем она занимается?

Его старческое лицо расползлось в усмешке.

– Том – это наш лифтер – говорит, что она готова на все и сразу. Может, вы знаете, что это значит. Я – нет.

– Это такой циничный способ сказать, что она легкодоступная женщина, – пояснил я. – А это правда?

Он покачал головой:

– Разве что на первый раз, но без продолжения. Она из тех, кто разжигает в мужчине аппетит, а потом дает от ворот поворот. Второй раз обходится весьма дорого. Я видел парней, которые на стену лезут и локти кусают, лишь бы добиться своего.

– Что, прямо с ума сводит?

Он кивнул:

– Один простофиля даже застрелился из-за нее.

– Круто.

– Мне кажется, он был ненормальный.

– Как же с ней связался Херрик?

Он, сощурившись, поглядел на меня:

– Даже не знаю, стоит ли мне об этом говорить, сэр. Парни в синей форме сегодня весь день здесь вились, как осы над вареньем.

Я показал ему другой конец пятидолларовой купюры, понадеявшись, что так она выглядит интереснее.

– Попытайся, – предложил я.

– Ну, с ним все было иначе. С ним и еще с баском.

– С баском?

Он кивнул:

– Он сейчас наверху.

– Но она крутила с Херриком?

– Ну, они общались. У Херрика было полно бабла, но я бы не сказал, что они что-то там крутили, если вы имеете в виду то же, что и я, сэр.

– Не сказал бы, значит? А что насчет этого баска?

Он пожал плечами:

– Вы же знаете, что такое эти женщины. Им приходится выбирать кого-нибудь постоянного. Думаю, это он и есть.

– Но не Херрик?

числе популярных актрис, которые снимались на плакаты для американских военнослужащих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.